

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ,
ИСТОРИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И ФИЛОСОФИИ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
В 74

В 74 «Вопросы социологии, истории, политологии и философии»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. (31 января 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «ЭКОР-
книга», 2012. — 118 с.

ISBN 978-5-8561-8257-5

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Вопросы социологии, истории, политологии и философии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/8

ISBN 978-5-8561-8257-5

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История социально-политических учений зарубежных стран	6
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА Савельев Андрей Иванович	6
1.2. Политика в России	12
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ ПРЕЗИДЕНТА 2012 Петров Алексей Владимирович	12
МЕСТО ЭЛИТАРНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА Сулимин Александр Николаевич	16
Секция 2. Социология	20
2.1. Социология управления	20
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК КАДРОВЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ Калашникова Ксения Александровна	20
2.2. Социология личности	25
ПРАВА ДЕТЕЙ В РОССИИ Владимиров Игорь Александрович Юсупова Ильмира Маратовна	25
2.3. Социология организации	29
АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ Калашникова Ксения Александровна	29

Секция 3. Философия	34
3.1. Динамика современной культуры	34
КУЛЬТУРНОЕ СОБЫТИЕ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ТЕАТРАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА Тазетдинова Руфина Ринатовна	34
ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННУЮ НАРОДНУЮ КУЛЬТУРУ Белошапка Геннадий Иванович	39
3.2. Социальная философия	45
ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МУЖЧИН И СОВРЕМЕННОСТЬ Ермаков Сергей Анатольевич Мезина Людмила Геннадьевна	45
К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ КОНФОРМИЗМЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА Тургенева Ольга Юрьевна	49
3.3. Онтология и теория познания	55
СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БЫТИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ ИНДИИ Качмала Александр Викторович	55
ПРОБЛЕМНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ЦИКЛ ДЕЙСТВИЯ МЕТОДА В ГУМАНИТАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ Суворов Глеб Владимирович	59
Секция 4. История	63
4.1. История России	63
НАЦИОНАЛЬНАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ В БАССР Вафаева Эльвира Рашидовна	63
РАСХОДНЫЕ СТАТЬИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1958—1964 гг. Маслова Ирина Александровна	68

РАЗВИТИЕ ЯРМАРОЧНЫХ ГОРОДОВ В РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв. Мельникова Лариса Александровна	73
УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ) Немчанинова Евгения Николаевна	79
ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО АППАРАТА СНХ 1957—1965 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ Павлюкевич Руслан Витальевич	83
ПОНЯТИЕ «ОТЕЧЕСТВО» В ЭПОХУ ДЕКАБРИСТОВ Травникова Елизавета Григорьевна	89
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА Шабанов Вадим Васильевич	93
4.2. Всемирная история	99
ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ УРУГВАЯ Бычков Максим Алексеевич	99
4.3. История науки и техники	108
СОЗДАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ ВИНКЛЕР-КОХА Ахмадова Хава Хамидовна Сыркин Алик Михайлович Абдулмежидова Зулай Абдуловна	108
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	114
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921—1939 гг.) В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ Войтещик Анна Станиславовна	114

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Савельев Андрей Иванович

*канд. полит. наук, доцент ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары
E-mail: saveljev-andrei@rambler.ru*

Исследования социального и политического пространства обозначилась в конце XIX века. Внимание к этой проблеме было вызвано потребностью объяснить особенности упорядоченности жизнедеятельности общества и человека. Вначале акцент в исследованиях делался на социальное пространство, но затем начали рассматривать политическое, которое играет решающую роль в формировании гражданского общества. Рассмотрим проблему исследования со стороны социологии. О. Конт использовал понятие социального расстояния и обосновал положение о трехмерности пространства, выделив в нем экономический, духовный и моральный векторы. Э. Дюркгейм объяснил причину неоднородности пространства действием принципа разделения и дифференциации [4]. Г. Зиммель отметил, что индивиды и группы имеют свое место в «социальной среде» [5]. В исследованиях Л. фон Визе, Э. Богардуса, Э. Берджеса, Р. Парка, Я. Морено были поставлены проблемы социальных дистанций и социальных позиций. Р. Парк и Э. Берджес на примере урбанистического пространства показали социальную неоднородность физического пространства и заложили основы «пространственно-ориентированного» пространства [9].

Концепция социального пространства П. Сорокина объективно имеет свою «телесность», структурированное народонаселение. П. Сорокин сравнивает социальное пространство со сложной сетью, образованной связями взаимодействия. П. Сорокин высказал ряд

принципиальных положений, ставших своеобразными аксиомами социологической интерпретации социального пространства: идея о его многомерности, которая задается различиями позиций индивидов и групп; о социальных дистанциях как особой шкале «мерности» социального пространства и их объективных основаниях. В работах П. Сорокина наметился подход к выделению разных сфер социального пространства в зависимости от стратификационных индикаторов — экономического, профессионального и политического [7].

Со второй половины XX века наблюдается рост интереса к пространству исследователей различных областей научного знания. На необходимость анализа как временных, так и пространственных параметров социальной реальности указал Э. Гидденс. Западными учеными была обозначена тема научного дискурса о пространстве с выходом на социальную и политическую проблематику. В центре внимания ученых появился вопрос о том, как «пространственные представления» используются для поддержания власти.

Существует и традиция понимания пространства, заложенная И. Кантом. Географическое или социальное пространство соответственно трактуются как когнитивные схемы, позволяющие объяснить размещение объектов [3].

Важные теоретические проблемы социального пространства были обоснованы П. Бурдьё. В его понимании социальная реальность выступает в форме многомерного социального пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения. Как и в трактовке П. Сорокина, у П. Бурдьё оно также многомерно, определяется взаимоотношением позиций социальных субъектов и не может быть сведено к физическому пространству. Он понимает социальное пространство как символическую сферу, в которой осуществляются социальные распознавания. Новизна подхода французского социолога заключается в том, как он трактует связь социального и физического пространства. В трактовке П. Бурдьё социальное пространство имеет двойственную природу. Оно одновременно существует в символическом или социальном и в физическом измерении, присутствует в материализованных пространственных структурах и в диспозициях субъектов [6].

В работах российских исследователей социально-политическое пространство в основном рассматривается с точки зрения политологического подхода. Существуют разные его понимания. Социально-политическое пространство трактуется как предпосылка политической организации, как цель политического процесса или среда протекания политических процессов, как сфера жизнедеятельности,

втянутая в политические процессы. Встречаются попытки редукции социально-политического пространства к его отдельным структурным элементам, например, к политической организации общества (к совокупности организаций и учреждений, в рамках которых осуществляется социально-политическая деятельность населения) или к политической системе в целом. Но проявление системных свойств социально-политическим пространством не дает основания для его отождествления с политической системой, а тем более, для сведения его к отдельным политическим институтам. Понятие «политическая система» фиксирует состояние политической власти с точки зрения дифференциации функций и специализации политических структур и включает в себя класс относительно устойчивых явлений. Понятие «социально-политическое пространство» распространяется как на официальные, так и на неофициальные институты и политические практики, в том числе охватывает собой и класс более изменчивых явлений — политические процессы.

Социально-политическое пространство среди разных своих проявлений предполагает непосредственную связь с территориальной локализацией социума. В этом случае пределом, ограничивающим феномены политической жизни, будет социально-политическое пространство другого социума. Данный факт не отрицает того, что социально-политическое пространство, будучи погружено в социальное, имеет свои границы, выход за которые будет означать потерю собственного политического качества. Кроме того, понятие «политическое пространство» включает в себя и другое смысловое содержание. С учетом понимания социального пространства, разработанного в рамках социологического подхода, социально-политическое пространство можно представить как совокупность отношений и позиций социальных агентов (акторов), обладающих разными политически значимыми ресурсами.

П. Бурдье принадлежит концепция поля политики и власти. Содержательным представляется обоснование вопроса о связи политики и власти с символической борьбой и капиталом. Нельзя не согласиться с тем, что проявлением власти одних групп над другими выступает способность первых внедрять в общественное сознание нужные для осуществления своей гегемонии представления и схемы оценивания социальной реальности. Утверждая собственные версии мира, ограничивая проявление других мнений, доминирующие группы получают возможность конструировать мир по своим принципам [2].

М. Фуко раскрыл неразрывное единство пространства, власти и знания. Он развил идею о том, что власть и доминирование появляются там, где политика объединяется с пространством и знанием. Знания о

человеке и об организации пространства открывают возможность для власти превратить все физическое пространство повседневной жизни в дисциплинарное пространство. Все социальное пространство фактически превращается в политическое, т.к. надзирающая власть пытается внедрить «физико-политические» технологии во все сферы жизни. Хотя концепция власти М. Фуко получила неоднозначные отклики среди научной общественности, нельзя не отметить, что он раскрыл целый ряд технологий, используемых властью для осуществления контроля [8].

Социально-политическое пространство является взаимодействием двух видов: вертикально выстроенными взаимодействиями власти с гражданами и отдельными социальными группами и институтами, представляющими их интересы; горизонтальными взаимодействиями, которые складываются между политическими агентами в процессе их соперничества или сотрудничества по поводу использования власти, контроля за ней. Социально-политическое пространство есть «местосвершение» обменов политически значимыми ресурсами, в процессе которых объективируются социальные дистанции, подтверждаются либо изменяются позиции агентов (акторов) в системе отношений власти. Используя понятия «дистанции власти» и «политические дистанции», можно охарактеризовать вертикальную и горизонтальную оси координат социально-политического пространства. Спектр политических обменов и взаимодействий широк. Совокупность взаимодействий между разными институтами государственной власти, а также между центральными, региональными и местными органами власти в процессе реализации ими функций по управлению обществом структурирует административно-политическое пространство.

Отношения государства и гражданского общества могут иметь разный характер, но они взаимно нуждаются друг в друге, при этом каждое из них не является самодостаточным в обеспечении стабильности общественных взаимоотношений и в разрешении проблем, вызванных многообразными социальными рисками. Как агент социально-политического пространства гражданское общество выполняет важные функции: сигнализирует о проблемах, побуждая тем самым государство к активности; инициирует принятие государством важных решений; мобилизует население «снизу» к участию в общественно-политической жизни, формирует культуру гражданственности; контролирует власть и противодействует ее авторитарным тенденциям и др.

В последние годы важное место в рассуждениях о гражданском обществе занимает тема публичного пространства, выступающая в качестве местного самоуправления. Публичное пространство имеет важнейшее значение для развития гражданского общества, здесь

проявляется способность граждан генерировать общие интересы, формируются представления о гражданских обязанностях и ответственности. Оно структурировано взаимодействиями и коммуникациями акторов гражданского общества друг с другом и с государством. Публичное пространство как «местосвершение» непосредственных обменов гражданского общества с государством выступает одним из видовых проявлений социально-политического пространства.

Местное самоуправление как публичное пространство является политическим полем, где происходит встреча государство и гражданского общества. Для государства — это способ трансляции государственной политики и государственных интересов на местный уровень. Для гражданского общества — это институционализации интересов людей, составляющих местное сообщество и проживающих на определенной территории. Данные интересы, в свою очередь, имеют двойкий характер. С одной стороны, они выражаются в возможности посредством муниципальных органов власти проводить общую волю по отношению к самим членам местного сообщества, а с другой — они заключаются в возможности отстаивать интересы этого сообщества перед лицом государственной власти. Оно остается элементом гражданского общества, ассоциацией граждан для решения общих дел.

Однако компетенция местного сообщества и государства в решении местных дел отнюдь не обязательно носит симметричный характер, и независимость местного самоуправления от государственных органов власти отнюдь не является условием его существования и главной целью. Исследователи подчеркивают, что сегодня, когда социальная политика стала основной государственной функцией, а само государство превращается в государство всеобщего благоденствия, интеграция муниципальных органов власти в государственные структуры становится объективно неизбежной [10]. Увеличение местных расходов, связанное с расширением поля социальной политики, делает местное самоуправление все более связанным с государственной поддержкой. В связи с этим местное самоуправление во все большей мере рассматривается не как общедемократическая цель, а как средство решения государством социальных проблем на местном уровне.

В России народ и государство были всегда противопоставлены друг другу, Государство преследовало, требовало, контролировало, отбирало, сажало в тюрьмы и концлагеря, расстреливало, запрещало. Дело же народа было спасаться от него, обманывать, сопротивляться, красть. В нас живет образ государства как машины властвования, отдельной и независимой от людей. Если население в массе враждебно относится к существующей государственной власти, организация местного

самоуправления невозможна, поскольку деятельность такого самоуправления будет пропитана сопротивлением и отчужденностью по отношению к государству. С помощью тех или иных способов государство не допустит организации самоуправления в подобных условиях [1].

Таким образом, возможность демократической трансформации социально-политического пространства зависят от социально-политического потенциала гражданского общества, или публичного пространства в качестве местного самоуправления. Являясь неполитической формой самоорганизации социума, развитое гражданское общество способно выступать политическим агентом во взаимоотношениях с государством, выполняя ряд важнейших функций. Характер отношений государства и гражданского общества может быть противоречивым, но они взаимно нуждаются друг в друге, поскольку должны разделить ответственность за смягчение социальных рисков, с которыми столкнулось современное общество. Выражением зрелости гражданского общества является публичное пространство — пространство непосредственных взаимодействий и коммуникативных обменов групп гражданского общества между собой и с органами государственной власти по общественно значимым вопросам.

Список литературы:

1. Бородин Ф. М. Ценности населения и возможности местного самоуправления // Социологические исследования. — 1997. — № 1. — С. 98—111.
2. Бурдые П. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с.
3. Волков Ю. Г. Социология: учебник для студентов вузов. — М.: Гардарики, 2006. — 512 с.
4. Дюркгейм Э. Разделение общественного труда. — М.: Канон, 1990. — 315 с.
5. Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни — М.: Юрист, 1996. — 607 с.
6. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — 1280 с.
7. Сорокин П. А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. — Москва: Academia: LVS, 2005. — 588 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970-1984 : В 3 ч.: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / пер. с фр. И. Окуневой под общ. ред. Б. М. Скуратова. — М.: Праксис, 2005. — 318 с.
9. Хейвуд А. Политология : учебник для студентов вузов / пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В. Ю. Бельского. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 544 с.
10. Черкасов А. И. Сравнительное местное самоуправление: теория и практика. — М.: Форум-Инфра-М, 1998. — 158 с.

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ ПРЕЗИДЕНТА 2012

Петров Алексей Владимирович

аспирант, ассистент КФ(П)У, г. Казань

E-mail: begeshow@inbox.ru

Мы живем с вами в очень интересное время, время перемен. Первые перемены, которых ждала с нетерпением вся страна — это выборы в государственную думу РФ 6-го созыва. Все с надеждой верили в то, что в нашей стране станет гораздо лучше, чем оно было раньше, что пройдут те партии, которых раньше не пропускали в Госдуму, но надежды не оправдались. Так же как и раньше, четыре закоренелые партии: Единая Россия, Справедливая Россия, КПРФ и ЛДПР прошли в государственную думу. Поделили места, с одной только разницей, у Единой России численность представителей партии в этом созыве гораздо меньше, по сравнению с прошлым созывом. Три не прошедшие партии Яблоко, Правое Дело и Гражданская сила остались за бортом. Мы хотим свыкнуться с мыслью, что живем в государстве, где пытаются создать демократию, но что-то все время мешает ее созданию. Всегда находится объяснение, что помешало очередному пути созданию той самой демократии, в которую мы пытаемся поверить, пытаемся создать многопартийное представительство в Госдуме. Вроде оно и есть. А в то же самое время, понимаешь, других запускать еще рано.

Впереди у нас выборы президента, которые должны пройти 4 марта 2012 года, а это значит что именно мы с вами, как сейчас уверяет нас наше правительство, будем определять будущую политику в России. До будущего осталось совсем не много, а пока политическая ситуация у нас в стране накалена до предела. Выступление партий, не прошедших в Госдуму на Болотной площади и на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 года в Москве показало, что у нашего народа терпение заканчивается, что еще одно неправильное принятие закона правительства и правящей партии, может повторить ситуацию 1991 г. Но если в 1991 году людьми еще можно было манипулировать за счет пережитков коммунистического светлого будущего на идеологических основах, которое заставляло людей выходить на площадь, то сейчас все гораздо опаснее и сложнее. Есть неуправляемая молодежь объединенная в молодежные объединения и субкультуры, которая как солома в любой момент может вспыхнуть и ой

как тяжело ее потом будет остановить. Есть учителя и класс интеллигенции, которые тоже устали смотреть на выходы олигархов и их бессмысленное растрачивание народных денег. Есть рабочий класс, который не может понять, почему надо закупать у иностранцев ту же самую продукцию, которую мы сами можем производить не хуже, и почему на предприятиях должно все время происходить сокращение рабочей силы, для оптимизации производства. Так выступление писателей, профессоров, лауреатов международных премий и представителей рабочего класса на Болотной площади стало тому подтверждение. Все лозунги, выдвигаемые этими людьми, несли крик души населения России, а вот лозунги, звучавшие из уст лидеров оппозиции, в какой-то степени несли правдивую информацию, но по большей степени все это напоминало «крик младенцев», у которых отобрали право на игру в песочнице. «Но стоит отметить, что голос народа правительство все-таки услышало. Так сразу после митинга на Болотной власть пыталась задобрить «несогласных». Сначала президент в своем послании выступил с рядом неожиданных предложений о повышении политической конкуренции (в частности, о возвращении прямых губернаторских выборов и об упрощенной регистрации партий). Затем «Единая Россия» в Госдуме согласилась не только поделить с оппозицией руководящие посты в пропорции 50 на 50» [1]. Для оппозиции сложилось благоприятное положение, но добились ли лидеры оппозиционных партий того чего они так хотели. Я думаю, что нет, так как нельзя появляться на политической арене, за два месяца до выборов и говорить вот какие мы хорошие, а все остальные плохие. Поэтому надо выбирать нас, а не их. Так только в сказке бывает. Стоит отметить, что выступление людей на Болотной, не имеющих никакого отношения к политике, подвигло лидеров оппозиции на принятия участия в президентской гонке. Это и понятно, если такое количество народа начинает высказывать свое мнение, почему бы не воспользоваться такой ситуацией, может и поможет, пройти во второй круг президентских выборов. Но многие лидеры оппозиционных партий, видимо переоценили свои силы и возможности. Так, для того, чтобы стать кандидатом необходимо собрать два миллиона подписей, и самое главное, чтобы они были подлинными, а не присутствие мертвых душ на бумаге. Уже точно ясно, что Путин, Миронов, Зюганов и Жириновский будут баллотироваться на пост президента, а все потому, что им не надо собирать подписи, так как партийные выдвиженцы, представленные в государственной думе. Не стоит так же, сбрасывать со счетов господина Прохорова, который собрал необходимое количество подписей, и небольшой запас, для страховки. Так что борьба на предстоящих выборах будет напоминать «Бородинское сражение», но народу в России сейчас становится все более тревожно. Заморозка цен на бензин, остановка инфляции в стране напоминает бомбу

замедленного действия. Во многих регионах России люди скупают крупу, делают запасы продовольствия, так как не понимают чем выборы, могут обернуться для страны и каждого из нас.

Предвыборный синдром все сильнее и сильнее начинает захватывать кандидатов на пост президента, свидетельство тому подписание соглашения о сотрудничестве КПРФ с «Левым фронтом», согласно этому соглашению, в случае победы на президентских выборах господин Зюганов станет президентом переходного периода. Все это говорит только об одном, борьба будет серьезной и жестокой и коммунисты настроены решительно брать кремль. Единая Россия пошла дальше, как говорится: « Чем дальше в лес, тем больше щепок», в данном случае лес — это регионы, а щепки — губернаторы и главы администраций. Так президент Д. А. Медведев стал отправлять в отставку глав регионов, освобожден со своего поста глава администрации Волгоградской области, а все из-за того, что на думских выборах Единая Россия в Южном федеральном округе набрала чуть больше голосов, чем КПРФ. Эффективность его работы низкая, а это значит не место в строю. Господин Жириновский как всегда критикует всех и везде. Господин Миронов вообще предлагает себя как президента переходного правительства, что заставляет задуматься о назревании «Революции» в нашей стране. Господин Прохоров пошел дальше, предлагает отменить призыв в Вооруженные Силы РФ, и все можно будет приватизировать, заплатив всего лишь 13 % налога от стоимости приватизации объекта и отмену ЕГЭ, все для того чтобы завоевать молодой электорат.

С каждым днем агитация кандидатов становится более агрессивной и навязчивой, по сравнению с предыдущей президентской гонкой. Народ не успевает реагировать на происходящее, молодежь, которая апалитична, и то начинает следить с интересом за предвыборной кампанией кандидатов на пост президента. А как не следить, когда президент накануне выборов прибавляет стипендию студентам и улучшает социальный статус студентов и молодых семей, но все прекрасно понимают, что это перед выборами. А что дальше? Дефицит бюджета, который в перспективе заставит повысить пенсионный возраст, что не позволит молодым людям устраиваться на работу, так как места еще не освободятся. В регионах с огромной скоростью вводят электронные кабинеты, куда граждане могут отправлять свои жалобы и пожелания. И что самое интересное эти кабинеты работают, и вопросы решаются очень быстро, но все это перед выборами, а что нас ждет после выборов, и почему их нельзя было запустить раньше, что мешало? Этот вопрос мучает миллион россиян, все хотят понять, а не станет ли хуже жить, не вырастут ли цены на продукты и бензин, оставят социальные проездные или опять будут дотации и многое другое. Понятное дело, что правительству на сегодняшний день не выгодно поднимать цены и

отменять социальные льготы, состояние населения, как на бочке с порохом, вот-вот рванет. Видимо поэтому Путин в любом своем выступлении к народу все время упоминает о том, что могут проводиться провокационные действия со стороны оппозиции, о том, что готовится переворот. На телеканалах запускают документальные фильмы о Путине, что благодаря его сильному характеру и его команде, в стране не произошло того, что сейчас происходит в Европе. И это все в преддвериях выборов в марте, остальным же кандидатам отводится минимальное эфирное время, что вызывает негодование среди кандидатов на пост президента. Власть стала бояться слова народа, если раньше народ можно было подавить силой, то сейчас благодаря социальным сетям, которые набрали такой оборот популярности среди наших граждан, подавить будет очень тяжело. Флэш мобы организуются по всей стране за считанные часы или дни в зависимости от ранга мероприятия. Вся предвыборная агитация кандидатов старается проходить через социальные сети или интернет ресурсы. Народ выкладывает в социальные сети все чаще и чаще видео с нарушением и коррупционными действиями административных органов. Вся политическая система у нас в стране устроена таким образом, что от коррупции, с которой мы боремся, избавиться просто не возможно. Так чтобы получить разрешение на открытие своего дела, в бизнес план надо еще заложить и расходы на взятки. Так как официально потребуется от 1 до 2,5 месяцев на получение разрешений.

Страна поделилась на несколько лагерей, на тех, кто еще поддерживает правительство, а в частности Путина — это административный аппарат. На тех, кто по-прежнему поддерживает Зюганова — это все пенсионеры и большинство рабочего электората, и на тех, кто стал поддерживать господина Прохорова — это в большей степени люди связанные с бизнесом и молодежный электорат.

Какой же будет наша страна и кто будет ее президентом, все мы с вами увидим после выборов 4 марта 2012 года. А пока нам остается гадать и наблюдать за всем происходящим, и задумываться над правильным выбором. Самое главное сейчас для нашей страны, не допустить очередного экономического кризиса, который так сильно накрыл Европу, иметь стабильность в экономике и социальной среде нашей страны. Как говорится: «Лучше иметь плохую стабильность, чем непонятное красочное будущее».

Список литературы:

1. Еженедельник «Коммерсантъ», № 4 (958), 30.01.2012 [эл. ресурс] <http://www.kommersant.ru/doc/1857865>.

МЕСТО ЭЛИТАРНЫХ ИНСТИТУТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Сулимин Александр Николаевич

*канд. политич. наук, старший преподаватель Астраханского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ, г. Астрахань
E-mail: Kratos84@vandex.ru*

Определение места и роли политической элиты и ее структур в системе современной российской политической жизни является одним из главных показателей развития не только политической системы общества, но и других его систем. Традиции властентричности политической культуры России, отсутствие действенных структур гражданского общества, интегрированных в каркас российской цивилизации, определяют огромную роль политической элиты и сегодня.

Вертикальный современный российский политический процесс, обуславливая иерархическое устройство политической структуры управления и коммуникации политической системы, выводит на первую роль в политической системе общества бюрократические институты. Могут ли бюрократические институты служить двигателем прогресса в современном обществе? На этот вопрос социально-политические науки отвечали по-разному. Так М. Вебер в своей концепции «идеальной бюрократии» больше века назад отстаивал бюрократию как самый эффективный и рациональный институт управления. Однако в условиях современного постинформационного общества бюрократические структуры все больше подвергаются критическому анализу в отсутствие гибкости и скорости принятия решений и обратной связи с обществом.

Для российского общества элитарные политические институты превратились в малоэффективные, коррупционные бюрократические структуры мало мотивированные на модернизационные изменения [3, с. 9]. В эффективной форме организации политического процесса элитарные институты представляют собой механизмы принятия политических решений, вырабатывающих структуры обратной связи на «выходе» политической системы, а также центры формирования политической воли и источники модернизации.

Чтобы выявить пути дебюрократизации элитарных политических институтов, необходимо знать структуру, функции и значение данных структур в политической системе общества. Опираясь на синергетическую теорию политической системы Г. В. Пушкаревой,

которая состоит из взаимодействия трех уровней по иерархической цепочке сверху вниз: системно-нормативного, институционального, базового, рассмотрим особенность элитарных институтов в политической системе общества [2]. Специфика данной системы состоит в том, что базовый уровень состоит из набора политических акторов, которые играют определенные политические роли в политической системе общества, исходя из своего статуса (депутат, избиратель, государственный чиновник и т. д.). Каждый из этих акторов несмотря на то, что имеет разный статус и может иметь разные интересы, детерминирует свое действие в соответствии со сложившимися паттернами поведения, попадая под организационное воздействие определенных институтов институционального уровня политической системы. Институциональный уровень политической системы регулирует и контролирует статусно-ролевой базовый уровень. Действие политических элит на этом уровне попадают под воздействие социального контроля институтов, которые элиминируют антисистемные отклонения в их поведении. Политические институты в своей динамике подвергаются изменениям, тем самым отвечая на вызовы современности, либо деформируются в результате внесистемных катастроф. Поэтому для сдерживания центробежных и дисфункциональных процессов на этом уровне необходим третий системно-нормативный уровень, который должен алгоритмизировать поведение всей политической системы. Данный уровень обеспечивает согласованность действия всех политических институтов, обеспечивая целостность политической системы. Политическая элита, как главный субъект политического управления в рамке элитарных институтов, также подвергается воздействию со стороны системно-нормативного уровня, который должен корректировать и направлять управленческие решения, опираясь не только на законы, правовые акты, конституционное право, но и на авторитет общественного сознания, политического опыта прошлых поколений.

Элитарные институты внутри политической системы состоят из наиболее активных субъектов (акторов), которые осуществляют целенаправленную политическую деятельность в соответствии с принимаемыми ими решениями. Элитарные институты эффективны в заранее структурированной и настроенной среде, где действия и исполнение приказов приводится в действие благодаря синергетическому эффекту обратной связи между системно-нормативным, институциональным и базовыми уровнями политической системы. Деятельность элитарных институтов как результат волевого

поведения определенных социальных групп активно влияет и изменяет внутреннее состояние политической системы.

Российское государство до сих пор находится в условиях трансформации, поэтому говорить о четком взаимодействии между уровнями политической системы не приходится. Многие политические институты неэффективны, не пользуются доверием у населения [1, с. 96]. Системно-нормативный уровень представляет не целостную, конфликтную подсистему, где происходят противоречие между традиционными базовыми ценностями, и западными либерально-демократическими нормами. Данный конфликт между подсистемами и внутри подсистем порождает неформальный характер взаимоотношений субъектов политической системы, клиентарную специфику принятия политических решений. Субъекты в рамках данной среды преследуют несовпадающие, а часто противоположные цели, что провоцирует неустойчивость политической системы и непредсказуемость ее поведения.

Особенностью поведения человека в неструктурированной политической системе, является проявление его природного нелинейного характера поведения, характеризующееся приспособляемостью, пластичностью каждого из его членов, основой которых становятся собственные цели и желания. Поведение любого человека всегда многообразнее и богаче нормативных требований и ролевых ожиданий. Он включен в общество и в другие социальные системы, у него есть свое индивидуальное восприятие мира политики, свои личные устремления и интересы, которые лежат за пределами данной системы.

Субъекты российской политики, в современных условиях действуя по вышеуказанным принципам на протяжении всей современной истории России, находятся за пределами российской политической системы. Это обуславливает не сложившийся характер элитарных институтов внутри российской политической системы, и определяет их внесистемное происхождение.

С точки зрения синергетического подхода любая политическая система получающая вещество, энергию, информацию из внешней среды использует ее внутри себя для обеспечения эволюционного развития. Перераспределение ресурсных потоков, которые получает система из вне, контролируется субъектами политической системы, то есть элитой. Внесистемная элита извлекает из политической системы ресурсы, обеспечивающие ее динамичное развитие, а также информацию, определяющую адекватное состояние всей общественной системы. Бегство капиталов за границу, политическая

демагогия и создание демонстративных, псевдодемократических институтов являются характерными чертами российского политического и социально-экономических процессов.

В современных российских условиях политические элиты не выглядят достаточно легитимными, так как их появление соотносится с полукриминальным переделом собственности в условиях разрушения советской политической. Черпая свои интересы и идеологические модели поведения по западным культурным образцам, современная российская элита в социокультурном аспекте находилась вне поля притяжения национальной политической системы общества. Чтобы функционировать политическая система должна подчинить себе человека, возратить элиту в национальную структуру интересов, и сформировать действующие элитарные институты, получая необходимую для своего существования энергию. Стабильное воспроизводство элитарных институтов требует четкую ориентацию субъектов политического процесса на статусно-ролевые предписания базового уровня политической системы. Для этого нужно не только создавать четкие институциональные механизмы санкций, но и правильно выстроить системно-нормативный уровень политической системы. Необходимо сориентировать Конституцию и конституционное право на служение национальным интересам, так как смысловое и ценностное ядро Конституции 1993 года находится за пределами российской политической системы. Следование уважению российских политических традиций и российской истории, также является путем укрепления идейной оболочки системно-нормативного уровня. Но самое главное, что российские элитарные институты должны не только вырабатывать ценные для развития общества политические решения, отвечая на реакцию политической системы, но создавать проекты будущего развития страны, развивать политические институты завтрашнего дня.

Список литературы:

1. Козырева П. М. Правовое сознание и доверие // Политические исследования. 2008. № 3. С. 86—101.
2. Пушкарева Г. В. Политическая система: синергетический подход // Вестник Московского университета. Серия 12. — 2001. № 6. С. 32—49.
3. Холодковский К. Г. К вопросу о политической системе современной России // Политические исследования. 2009. № 3. С. 7—22.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК КАДРОВЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Калашиникова Ксения Александровна

аспирант ВолГУ, г. Волгоград

E-mail: aksinya@mail.ru

Трудовые ресурсы являются основополагающим компонентом системы здравоохранения. Они определяют эффективность (функциональность) и действенность (способность достигать поставленных целей) медицинских учреждений, от них зависит успех внедрения в отрасль инновационных проектов. Анализируя результативность функционирования института здравоохранения и его соответствие потребности общества в сохранении жизни и здоровья, мы оцениваем качество профессиональной деятельности конкретных медицинских работников. Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) признаёт проблему кадровых ресурсов основной для систем здравоохранения всех стран. По оценкам ВОЗ дефицит медицинских работников по всему миру составляет 4,2 миллиона человек [1]. Такая критическая нехватка кадров, по мнению международных специалистов, является одним из основных препятствий на пути достижения прогресса в области оказания медицинской помощи населению.

Другая проблема института здравоохранения — высокая текучесть кадров. Опосредованная сложностью и спецификой медицинской деятельности, в современном российском здравоохранении она усугубляется социально-политическими аспектами. Реформирование здравоохранения продолжается более 18 лет. Однако качество и объемы медицинских услуг до настоящего времени не в полной мере соответствуют уровню заболеваемости, потребностям населения и современному уровню развития медицинской науки, и в большей степени ориентируются на ресурсы, которыми для этого располагают государство (3,6 % от ВВП) и граждане.

Внедрение инновационных проектов осуществляется в режиме «форс-мажора» из-за тотального обветшания материально-технической базы лечебно-профилактических учреждений. Обучение специалистов новым технологиям отстает от поставок современного оборудования. Врачи учатся работать на нём самостоятельно, параллельно оказывая медицинскую помощь. Всё это ведёт к увеличению эмоциональных и физических затрат. Немаловажное значение при уходе высококвалифицированных специалистов из системы здравоохранения имеет факт увеличения «бумажной» работы. Наличие перегрузок и отсутствие рациональной мотивации в форсировании внедрения технологически не проработанных инноваций зафиксирован в ответах 87,5 % (2005 год), 90,9 % (2007 год), 51,9 % (2009 год) врачей поликлиник [2, с. 127]. Результатом является возрастающая неудовлетворённость медиков качеством трудовой деятельности, которая становится основной причиной «ухода» из профессии. В системе здравоохранения остаются самые устойчивые к негативным социальным аспектам специалисты.

Преимственность поколений является фактором, сдерживающим уход врачей из отрасли. В связи с этим, в исследовании акцентируется внимание на роли медицинских династий, члены которых сохраняют верность профессии из поколения в поколение. Под династиями в представленной работе понимается совокупность индивидов, имеющих медицинское образование и занимающихся (занимавшихся) одной и той же профессиональной деятельностью в рамках учреждений здравоохранения, объединенных функциональной и телеологической связью, а также трудовыми, морально-нравственными и родственными отношениями и представляющие несколько поколенческих групп (генераций).

В представленном исследовании использован качественный метод сбора социологической информации. В качестве наиболее соответствующего целям и задачам исследования был выбран метод полуструктурированного интервью. К теоретическим предпосылкам его использования можно отнести компетентность каждого информанта как относительно правил построения рассказа, так и относительно уникальной истории своей профессиональной жизни. Рассказчик воспроизводит историю о событиях своей жизни так, как эти события были им пережиты.

Объектом исследования стали как потомственные медики, так и медики в первом поколении, работающие или работавшие в лечебных учреждениях г. Волгограда. В качестве династийных признавались информанты, семейная история которых отвечала следующим условиям: профессиональная династия должна состоять как минимум

из трёх поколений; трудовая биография основателя династии должна начинаться как минимум с должности медсестры. Всего было проведено 30 интервью (2011 г.). Респонденты представляли разные половозрастные группы и рассматривались как эксперты каждодневного опыта своей профессиональной жизни.

На основе категориального анализа данных интервью (методом «bottom up») медицинских работников г. Волгограда (сравнительного анализа характеристик династических и нединастических информантов) были выделены специфические характеристики членов трудовых династий, обладающие потенциалом влияния на количественные показатели кадрового состава здравоохранения: 1) ценность внутрисемейной профессиональной преемственности (наличие престижных атрибутов статусной группы династических врачей способствует сохранению в медицине квалифицированных кадров и содействует приходу новых специалистов); 2) ориентация на внутрипрофессиональную восходящую мобильность (потомственные медики рассматривать медицину как основной «социальный лифт»); 3) осознание важности своей профессиональной позиции для общества и собственной самооценки (формирует ментальные основы сохранения верности профессии).

Влияние феномена династичности на количественные показатели состава медработников связано, в первую очередь, с восприятием потомственными медиками себя как части трудовой династии, что предопределяет их стратегию к сохранению преемственности поколений. Таким образом, принцип сохранения династическими медиками верности профессии может рассматриваться менеджментом управления трудовыми ресурсами отрасли как один из рычагов управления кадровыми ресурсами здравоохранения. За счёт его популяризации в период образовавшегося разрыва между старой организацией отрасли и новыми принципами её функционирования, девальвации ценностных ориентиров профессии (переориентации медицинской помощи в услугу), экономической турбулентности, сопровождающейся снижением материальной и статусной мотивации, в медицинской профессии могут удерживаться квалифицированные специалисты. Интересы династий, стремящихся сохранить профессиональную преемственность, сочетаются со стратегией института здравоохранения, связанной со стабильным воспроизводством своих трудовых ресурсов. Респондент NR (зав. терапевтическим отделением, династический медик, 1956 г.р.): «Когда была молодой, думала, что как только достигну пенсионного возраста — уйду с работы и буду отсыпаться. Тяжело было... Но сейчас работаю. Я уже всего достигла, чего хотела. Реализовалась,

стала уважаемым доктором, воспитала другого молодого врача (смеётся). Вот сейчас ему помогаю, чем могу. Поэтому и не уйду. Сейчас ведь время нелёгкое ... без поддержки близких никак». Мать, реализовавшаяся в профессии, пенсионер по возрасту, продолжает трудиться в поликлинике, так как рассчитывает в будущем помочь своему ребёнку, продолжившему её профессиональный путь. Имеющий неоднозначную оценку, принцип сохранения верности профессии даже в пенсионном возрасте, во времена тотальной недоукомплектованности лечебных учреждений становится причиной не стагнации отрасли, а её устойчивого функционирования. Он помогает контролировать и поддерживать количественный состав медицинских работников и является уникальным ресурсом кадров здравоохранения.

Ценность преемственности поколений предотвращает уход из профессии из-за недовольства организационными проблемами института здравоохранения. Результаты интервью выявили наличие прямой зависимости между негативной оценкой функционирования отрасли и стратегией ухода из профессии. Данная связь, фиксируемая в большинстве интервью медиков в первом поколении, в среде династических врачей значительно ослабляется за счёт актуализации ценности преемственности поколений. Признавая наличие организационных проблем, потомственные медики говорят о нежелании своей профессиональной переориентации. Аргументируя свою позицию, они апеллируют к семейным традициям, к невозможности смены своего социального и профессионального статуса. Даже при отсутствии удовлетворённости материальной и эмоциональной компенсацией за выполняемую работу, они говорят о нежелании исполнять другие профессиональные обязанности, кроме медицинских. Информант SP (врач функциональной диагностики, династический медик, 1984 г.р.) демонстрирует типичный подход к этой проблеме: «В меня с детства уже заложили восприятие себя как человека, как индивида, как врача. Я не могу сейчас пойти и, к примеру, уголь разгружать, даже если за это будут платить огромные деньги. Меня так воспитала моя семья. Я получил профессию на всю жизнь». Несмотря на незначительный трудовой стаж, информант демонстрирует приверженность профессии. Показательной в данном аспекте может быть противоположная позиция, аргументированная нединастическим медиком. Информант RK (врач хирург, нединастический медик, 1958 г.р.): «Ко мне сейчас как к специалисту идут не только взрослые, но и детишки. Мы «взрослые лечебники» не имеем права лечить детей, да и взрослых так, как надо не лечим. Вот нам сейчас по рукам дают сверху (...). Вот ты сидишь и вместо

помощи больным каллиграфическим почерком пишешь больничные... Впору уходить». Профессиональная переориентация оправдывается респондентом, расценивается как нежелательная, но возможная.

Принцип сохранения профессиональной преемственности, интериоризация норм и ценностей медицинской деятельности являются факторами, контролирующими текучесть трудовых ресурсов здравоохранения. В силу указанных причин династийные медики представляют собой наиболее стабильную часть кадрового состава здравоохранения.

Ориентация членов медицинских династий на продолжение «семейного дела» ограничивает возможности их межпрофессиональной мобильности. Они крайне низко оценивают вероятность смены деятельности даже при условии наличия более выгодных «социальных лифтов», повышающих их позицию. Вместе с тем, феномен династийности способствует внутривидовой восходящей мобильности. За счёт осознания возможности помощи своих родственников, уверенности в своём профессионализме, притязания потомственных медиков к улучшению своей социальной позиции связывается именно с медицинской отраслью. *Перспектива внутривидовой мобильности* может рассматриваться как еще один действующий рычаг управления кадровым составом здравоохранения.

Таким образом, процесс внутрисемейной профессиональной преемственности и его результат — медицинские династии — являются уникальными феноменами отечественного здравоохранения, снижающими риск ухода квалифицированных трудовых ресурсов из системы как в виду социально-политических условий, так и по причине недостаточной мотивированности медицинских работников. Теоретические конструкции и выводы социологического анализа медицинских династий могут стать практически полезными в рамках организации здравоохранения и быть использованы менеджментом управления трудовыми ресурсами отрасли.

Список литературы

1. Глобальный альянс по трудовым ресурсам здравоохранения [Электронный ресурс] // [Всемирная Организация Здравоохранения]. — Режим доступа. — URL: <http://www.who.int/workforcealliance/ru/> (дата обращения: 18.06. 2011)
2. Попова Е. Г. Совместительство врачей первичного звена как причина формирования синдрома хронической усталости и фактор конфликтности на амбулаторно-поликлиническом приёме // Кубанский научный медицинский вестник. — 2009. — № 7 (112). — С. 125—129.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПРАВА ДЕТЕЙ В РОССИИ

Владимиров Игорь Александрович

канд. юрид. наук, доцент УГАТУ, г. Уфа

E-mail: docentufa@mail.ru

Юсупова Ильмира Маратовна

студент УГАТУ, г. Уфа

E-mail: ilmirajus@gmail.com

Категория «права человека», пожалуй, наиболее частое современное словоупотребление политиков, юристов, демагогов, защитников просто любителей поспорить о высоких материях, приближенных к познавательной действительности.

«На правах человека», «за права человека», «в силу нарушения прав человека», «в виду отсутствия соблюдения прав человека»... и прочие, и прочие основания, влекущие за собой все, начиная от отмены приговора суда, и заканчивая лишением России права голоса в Парламентской Ассамблее Совета Европы, и т. д... Теория прав человека восходит к естественно-правовым учениям, учениям о бытии права как справедливости. Государство, согласившись с ролью «ночного сторожа», одновременно согласилось и с тем, что охраняет оно вполне независимую от него единицу наличного бытия — человека, вместе с его правами. С тех пор наука выработала такую сеть умозаключений относительно прав человека, что сегодня они остаются вещью непознаваемой в любом отношении. Юридическая наука выделяет права человека, права гражданина, права личности. Иными словами деление идет по субъективно — ролевому статусу индивидуума в обществе. Права человека являются естественными, т. е. их наличное существование не зависит ни от кого, права гражданина наоборот получаются личностью только в случае наличия связи с государством, и, соответственно, по объему могут быть значительно уже в своем «чистом» виде. На практике предполагается, что государство, являясь субъектом международных отношений, принимает на себя обязательство по гарантированию прав человека, иными словами права гражданина дополняют права человека, но не поглощают их.

А зачем они эти права человека? И кто их защитит лучше меня самого? Если это миф в условиях определенного государства, то гражданам этого государства необходимо вспомнить девиз воинов прошлого, римлян — защита только с оружием в руках, и эта защита — доблесть воина, тем более человека.

Возникает еще один не менее важный вопрос. Соблюдаются ли в России права детей? Как известно, лучше всего в России сегодня реализуется право детей на посещение школы. Хуже обстоит ситуация с детскими садами. И наиболее плохо, по мнению родителей, дело с защитой детей от вредной для них информации.

Всероссийский центр изучения общественного мнения представил данные о том, какие проблемы детства представляются россиянам наиболее важными и как респонденты оценивают степень реализации прав детей в различных сферах. Как и прежде, самой важной проблемой детства с точки зрения россиян, остается алкоголизм и наркомания среди детей и подростков (47 %). На втором месте — детская и подростковая преступность (31 %). Третья по значимости проблема — низкий уровень жизни российских семей, имеющих детей (27 %). Менее острыми кажутся россиянам такие вопросы, как детская беспризорность (18 %), проблемы детского досуга (14 %), воспитание детей в дошкольных и школьных учреждениях (14 %), насилие в отношении детей (13 %), плохие жизненные условия детей-сирот в специализированных учреждениях (9 %). Замыкают рейтинг детских проблем эгоистичность современного общества в его нежелании иметь детей и воспитывать их (6 %), проблема усыновления — как российскими, так и иностранными гражданами (по 4 %). За последние два года россияне стали придавать больше значения проблемам низкого уровня жизни семей с детьми (с 20 до 27 %), а также плохим жизненным условиям детей-сирот в специальных учреждениях (с 5 до 9).

По мнению наших соотечественников, лучше всего сегодня реализуются права детей на получение школьного образования: соответствующий индекс составляет 66 пунктов. Также опрошенные удовлетворены тем, как соблюдаются права детей на свободу выражения мыслей и собственное мнение (по 54 пункта). Несколько хуже обстоит дело с реализацией права на получение медицинского обслуживания (49 пунктов), посещение детского сада (42 пункта). Самые плохо реализуемые сегодня права детей — право на защиту от насилия и жестокого обращения (37 пунктов) и защиту от информации, наносящей вред их здоровью и нравственному развитию (30 пунктов). В тех проблемах детства, которые россияне не считают

особенно острыми, степень реализации соответствующих прав, как правило, высока. В то же время, индекс права на посещение детских садов несколько ниже (42 пункта). Проблемы, имеющие отношение к законодательно закрепленным правам детей, не входят в число наиболее острых вопросов детства. Так, право ребенка на получение школьного образования соблюдается, по мнению опрошенных, достаточно полно (66 пунктов), и, соответственно, проблема обучения детей в школьных учреждениях не является для россиян особенно острой (она волнует 14 %). Аналогично обстоит ситуация и с правом ребенка на досуг: оно реализуется в достаточной мере (42 пункта), и, соответственно, проблема детского досуга беспокоит 14 %. Низкая степень реализации права детей на защиту от насилия (37 пунктов) не привлекает соответствующего внимания общества к этой проблеме (она волнует только 13 % опрошенных).

Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 21—22 мая 2011 года. Было опрошено 1600 человек в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %.

Таблица 1.

Какие проблемы детей в современном обществе, по Вашему мнению, должны сегодня находиться в фокусе общественного внимания?

	2009	2011
Алкоголизм, наркомания среди детей и подростков	45	47
Детская и подростковая преступность	38	31
Низкий уровень жизни российских семей, имеющих детей	20	27
Беспризорники и безнадзорные дети	21	18
Проблемы обучения детей в дошкольных и школьных учреждениях	10	14
Проблемы проведения досуга детьми	18	14
Насилие в отношении детей в российских семьях	11	13
Плохие жизненные условия детей-сирот в специализированных детских учреждениях	5	9
Эгоистичность нынешнего общества, нежелание иметь и воспитывать детей	5	6
Усыновление ребенка российскими гражданами	5	4
Усыновление российских детей иностранными гражданами	3	4
Затрудняюсь ответить	4	3

Таблица 2.

Оцените, пожалуйста, насколько полно (хорошо) в нашем городе/селе реализуются права детей на...

	в полной мере	лишь отчасти	Не реализуются совсем	Не знаю	Индекс
Посещение школы и учебу	57	28	4	10	66
Свободное выражение своих мыслей	40	35	9	17	54
Собственное мнение	40	35	9	16	54
Медицинское обслуживание	23	53	17	8	49
Отдых и досуг	14	54	23	9	42
Посещение детского сада	14	55	19	13	42
Защиту от насилия и жестокого обращения	11	49	25	15	37

Особенности несовершеннолетнего возраста не могут не учитываться в праве. Несовершеннолетний — уже не ребенок, но еще и не взрослый. Право должно не только учитывать эту особенность несовершеннолетних, но и защищать их от возможных нарушений их прав и свобод со стороны более «сильных» взрослых.

В этой связи большое значение для воспитания несовершеннолетних имеют правовые нормы, регулирующие различного рода общественные отношения с их участием. Подростки должны знать те права (и обязанности), которые закреплены в действующих правовых актах за ними.

В России проблема защиты детей стояла и стоит чрезвычайно остро. Экономический кризис, продолжающийся в стране, пагубно влияет, прежде всего, на несовершеннолетних. Это видно из таких показателей, как увеличившегося числа бедных семей в стране; постоянным увеличением числа правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними; ростом числа детей, оставшихся без родителей; ростом числа несовершеннолетних убегающих из дома и др.

Список литературы:

1. Азаров А., В. Ройтер, К. Хюфнер *Права человека : учеб. пособие* — Московская школа прав человека, 2003. — 254 с.
2. Дубровская И. А. *Права ребенка: учеб. пособие* — Гросс Медиа, РОСБУХ, 2008. — 46 с.
3. Орлов В. С. *Правовая охрана детства./ В. С. Орлов.* — М.: Знание, 1975. — 97 с.
4. Шабельник Е. С. *Права ребенка: учеб. пособие* — Вита-Пресс. — 2004. — 31 с.
5. Электронный ресурс — <http://wciom.ru/society/>

2.3. СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Калашикова Ксения Александровна

аспирант ВолГУ, г. Волгоград

E-mail: aksinya@mail.ru

Учреждения здравоохранения как разновидность социальных организаций обладают типичным набором характеристик [2]. Они отличаются целенаправленной природой (реализуют потребность общества в сохранении жизни и здоровья населения и оцениваются через целедостижение), наличием статусно-ролевой структуры (дифференциация медработников по положению в профессиональной иерархии), горизонтально-вертикальной структуры (разделение медработников по специализации и её следствие — горизонтальные и вертикальные связи), управляющих и управляемых подсистем (департамент здравоохранения и муниципальные учреждения здравоохранения) и наличием институциональных норм регулирования и контроля. Однако как специфическая отрасль, здравоохранение характеризуется уникальностью своей природы.

В лечебно-профилактической практике наравне с меняющимися нормами и требованиями конкретных социально-политических и экономических условий существуют непреходящие принципы, обусловленные спецификой медицинской профессии. Среди основных выделяются: знание медицины, гуманность, сострадание и доброжелательность к людям. «Если суммировать все требования, предъявляемые к врачу, то положение его можно оценить как труднейшее среди существующих профессий» [4, с. 28]. Деятельность врача многофункциональна и предполагает обязательную необходимость непосредственного тесного межличностного общения с больными в течение всего рабочего дня, быстрого принятия ответственных решений.

Врачи давно включены в так называемые «группы повышенного риска» из-за развития различных срывов психофизиологической

адаптации по причине хронических стрессовых воздействий, связанных с профессиональной деятельностью. На фоне развития синдрома хронической усталости в профессии, характеризующейся тесным, пролонгированным межличностным общением, предполагающим глубокое вовлечение специалиста в процесс негативных переживаний субъекта взаимодействия и необходимость (как способ наладить взаимопонимание и взаимодействие) достаточно активного проявления обычных этических реакций, прямо вытекающих из сострадания (проявление жалости, утешение, содействие в решении проблем), часто диагностируются признаки хронического «профессионального стресса» [1, с. 47].

С учётом этих обстоятельств, проблема селекции трудовых ресурсов в лечебно-профилактических организациях стоит более остро, чем в учреждениях другого профиля. В качестве основных механизмов отбора индивидов институт здравоохранения использует типичные для большинства современных организаций образовательные и профессиональные учреждения, а также специфический семейный механизм селекции. Его назначение заключается в фильтрации эмоционально и психически готовых индивидов к исполнению специфических медицинских обязанностей. Являющийся архаичным для большинства современных организаций, для медицины семейный статус до сих пор рассматривается как косвенный критерий для обнаружения и выяснения способностей членов общества.

Согласно П. Сорокину, умные родители, обладающие высоким уровнем образования и значительным статусом, являются косвенным свидетельством большего интеллекта их детей и их пригодности к выполнению той или иной социальной функции [3, с. 406]. Таким образом, устойчивое существование медицинских династий в отрасли можно считать следствием наличия института наследования социально-профессионального статуса родителей детьми, сохранившегося в качестве критерия их успешности. Причины его актуального воспроизводства в современных организациях здравоохранения кроются в уникальности медицинской отрасли. Общедоступность образования и понижение авторитета семьи как ячейки общества привело к его девальвации в большинстве профессиональных организаций. Те из них, которые сохранили этот принцип, пользуются им не как архаичным средством отбора трудовых ресурсов, а как необходимым «ситом» для фильтрации наиболее подходящих системе работников.

Специфика медицинской деятельности такова, что современные общепринятые и распространенные механизмы селекции лишь

дополняют и конкретизируют, но не заменяют предшествующие. Наличие интеллектуальных способностей, тестируемое в рамках системы образования, не является гарантией профессиональной пригодности индивида к специфической деятельности врача. Эмоциональная и моральная подготовка достигается либо сложным процессом адаптации к трудовой деятельности и наличием трудолюбия и таланта, либо результатом семейного воспитания в рамках идеологии, ценностей и норм медицинского сообщества. Согласно П. Сорокину, «удельный вес того или иного механизма отбора индивидов находится в прямой зависимости от качества тестирования, осуществляемого им» [3, с. 421]. Устойчивое воспроизводство медицинских династий свидетельствует о том, что семейный механизм фильтрации признаётся системой здравоохранения объективно обусловленным средством селекции своих трудовых ресурсов.

Таким образом, семейный механизм отбирает тех, кто биологически, эмоционально и морально готов к исполнению своих трудовых обязанностей; образовательный — тех, кто интеллектуально соответствует предъявляемым требованиям; профессиональная селекция производит корректировку вердиктов первых двух механизмов. Этот комплекс механизмов препятствует хаотичной социальной мобильности внутри института здравоохранения и способствует его стабильности.

Согласно данным анкетного опроса (тип выборки — гнездовой, $n=298$), проводившегося в 2010—2011 гг. среди студентов Волгоградского государственного медицинского университета, 56,3 % респондентов продолжают семейное дело своих родных. И хотя студенты официально не являются медицинскими работниками, но специфика лечебно-профилактической деятельности такова, что они являются единственными резервными силами института здравоохранения (в отличие от многих других профессий, кадровый состав которых может пополняться специалистами других областей знаний).

Устойчивое наличие династий в медицине свидетельствует о потребности лечебно-профилактических организаций в профессиональной преемственности, передаче опыта от одного поколения к другому. Как показали результаты эмпирического исследования (полустандартизированное интервью с династийными и нединастийными медиками, $n=30$), проведённого в лечебно-профилактических учреждениях г. Волгограда в 2011 году, потомственным врачам проще адаптироваться к специфической медицинской деятельности и к изменяющимся условиям её осуществления.

Во-первых, успешной адаптации потомственных медиков к новым технологиям и методам работы способствует межличностное доверительное общение в кругу родственников-коллег. Например, отмечая существование проблем при освоении новой аппаратуры, династийные медики старшего поколения фиксируют наличие помощи молодых представителей своей профессиональной династии. Респондент СН (зав. рентгенологическим отделением, династийный медик, 1953 г.р.): «Аппарату дают, а учить — не учат. Хорошо, что сын помог разобраться». Возможность получить совет и помощь родных, облегчает понимание происходящих нововведений, что способствует внедрению инноваций в практику.

Во-вторых, родственные отношения помогают при ознакомлении не только с современной аппаратурой, но и способствует оперативному ознакомлению с новыми медицинскими технологиями и стандартами. Информант NR (заведующая терапевтическим отделением, династийный медик, 1956 г. р.): «Широта кругозора нужна... Что-то я новое узнаю, что-то мне рассказывают... Новые лекарства, например, «Крестор» (снижающий уровень холестерина в крови — К. К.). Какова на практике его эффективность? Из медицинских журналов реальную пользу и вред препарата не узнаешь. Нужен обмен опытом, причем не ангажированный». Обмен знаниями и умениями внутри династии осуществляется не только «сверху-вниз», но и в обратном направлении. Благодаря этому, более старшие поколения потомственных медиков оказываются мобильнее, чем их нединастийные коллеги этой же генерации. Типичный пример, подтверждающий это, артикулирует информант KG (врач гинеколог, династийный медик, 1961 г. р.): «Рассказы моих родителей помогали. Какие-то мне непонятные вопросы я могла с ними обговаривать. Тем более, что у меня мама непосредственно гинеколог и, в общем-то, я начинала с ней работать. Что-то я привезла новое. С учебы. Но и она у меня мои конспекты все перечитала. И если сначала она мне помогала, то потом уже наоборот я ей советовала...». Потомственные медики являются более мобильными в том смысле, что благодаря доверительному межличностному общению в широком кругу родственников-коллег они более динамично овладевают новыми современными технологиями и методиками, активнее используют новейшие лекарственные препараты, рекомендованные для лечения пациентов.

Интерпретация результатов интервью с точки зрения определения функционального предназначения феномена династийности в организациях здравоохранения показывает, что профессиональная преемственность, транслирующая ценности, нормы

и правила профессионального поведения не только способствует стабильности института здравоохранения, но и выработала особый способ «защиты» от его стагнации. Феномен династийности является уникальным механизмом формирования адаптационной стратегии к профессиональной деятельности медиков в период трансформации института здравоохранения. Приспособление осуществляется за счёт спецификации традиционных характеристик:

- формирования особых поведенческих установок, связанных с тактикой самосохранения (помогает осуществлению трудовой деятельности в условиях ежедневных высоких эмоциональных нагрузок);
- осознание профессиональной династийной поддержки (способствует социально-психологическому комфорту на работе);
- кумулятивного опыта (упрощает освоение практических и теоретических знаний);
- отношения к работе как к семейному долгу (способствует ментальному осознанию необходимости профессиональной адаптации).

Таким образом, специфика воспроизводства трудовых ресурсов внутри лечебно-профилактических организаций, заключается в использовании институтом здравоохранения наряду с образовательным и семейного механизма отбора, функциональное назначение которого заключается фильтрации наиболее подходящих системе работников.

Список литературы

1. Попова Е. Г. Синдром хронической усталости врача как фактор конфликтности в профессиональной деятельности: социологический анализ // Научный Вестник Академии государственной службы. Серия: Политология, Социология, 2010. — № 1. — С. 46—56.
2. Пригожин А. И. Современная социология организаций. — М., 1995. — 296 с.
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с.
4. Эльштейн Н. В. Медицина и время. — Таллин : Валгус, 1990. — 352 с.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРНОЕ СОБЫТИЕ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ТЕАТРАЛЬНОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

Тазетдинова Руфина Ринатовна

канд. филос. наук, доцент КГУКИ, г. Казань

E-mail: Ruffina_7@yandex.ru

Полноценное исследование современной культуры а priori предполагает общее концептуальное осмысление её динамических процессов. В научной традиции сложилась парадигма определенной процедуры исследования, позволяющей проводить подобный анализ с линейной и циклической позиций. Известны работы, в которых культурные процессы рассматриваются как «сочетание философской рефлексии предметных форм сознания с принципами изучения внутренней динамики сложных систем», получивших название «диссипативных процессов» [7, с. 100]. В этой связи возникает необходимость порассуждать о том, что, собственно, есть «культурный процесс» и «культурное событие». Безусловно, это не однопорядковые и не тождественные понятия, хотя и существуют в рамках одной эмпирической совокупности. Казалось бы, что культура давно не постулирует себя постмодернистской «ситуацией современного мира» [4, с. 4], однако человек по-прежнему остается, культурно некомпетентным и связано это не в последнюю очередь с игнорированием диссипативности культуры как системы. Известно, что «переход» от предмета к категории анализа является принципиальной чертой культурного поворота, конкретный вид которого становится пригодным и для «перевода культур» «между культурами» [12, с. 238]. Ясно, что эти повороты не есть какие-то академические учения, механизм которых способен управлять «адаптацией общих правил к конкретным ситуациям» [1, с. 26]. Современная культура находится в том поле, когда общественное сознание способно лишь беспомощно констатировать появляющиеся

новые культурные формы, подчас непонятные, ненужные артефакты и события, не открывающие, а скорее изолирующие человека от мира культуры. Отсюда вся суть поднятых проблем упирается в решение вопроса о том, способна ли культура, и если — да, то за счет чего, формировать культурные процессы в обществе. Ориентация под таким углом зрения предполагает разговор о неких параметрах культуры, относящихся в этом смысле к приоритетным.

В свое время Гирт Хофстед, исключительно с позиций статистики сферы труда, разработал модель культуры с четырьмя параметрами [13]. Как своеобразная попытка систематизации культурных различий, эта модель, безусловно, прогрессивное явление. Если раньше культура считалась диффузным феноменом, то теперь представилась реальная возможность использовать аналитику. Наряду с этим значительная часть экономических и социально-психологических разработок центрируется на категории так называемой «профессиональной культуры» [8]. Исследовательская мысль, продуцируя, по Р.Нельсену, «искусство прагматика» [6], усиленно пытается понять культуру как разновидность человеческой деятельности. В этом смысле *культурные процессы*, помимо изменения во времени состояния культурных систем и объектов, могут быть рассмотрены и как типовые конструкты (модели) взаимодействия между людьми и социальными группами. На основании выявления общих признаков они поддаются классификации. Речь, таким образом, идет о стабильных в своей повторяемости и универсальных по своему ареалу распространения *функциональных процедурах*. Что касается *культурных событий*, то это конкретно-исторические частные случаи осуществления культурных процессов. Постперестроечное время обусловило весьма своеобразный тип динамики культуры, при котором четко обозначились инверсионные тенденции на фоне осуществления тотальной коммерциализации культурной деятельности и изменения социальной базы культурного потребления. Подчеркнем ещё раз, современная культура соединяет в себе весьма антиномичные ценностные ориентации; крайнюю политизированность и демонстративную аполитичность; секуляризацию и сакрализацию духовной жизни. Происходит все это на фоне резкого всплеска эсхатологии, поиска «отечественных» смыслов развития, реализации принципа «культурно-национальной автономии». Автор статьи далек от принципиального признания процесса ценностной инверсии, однако, то, что современный культурный этнос «расположен в некой культурной паузе, оспорить действительно трудно» [9, с. 101]. Каким же образом в культуре происходит укоренение *герменевтического жвизания события в процесс?*

Начнем с того, что культурный процесс — это динамика динамических систем, находящихся в состоянии, удаленном от равновесия, что собственно и формирует диссипативные процессы. Подобное растяжение пространства культуры характерно для стадии диссипатий наделенных внешней *гротескностью*. Но в таком случае, откуда появляются процессы рассеяния, т. е. превращение энергии в менее организованную форму, которые обычно трактуются как необратимые. Существует известный сюрреалистический пример из искусства совмещения с несовместимым, экспрессивным увеличением или деформацией частей человеческого тела и т. п. Сюрреализм (сверхреализм), потому и «сверх», что выявляет внутреннее, как правило, неподдающееся рациональному осмыслению, скрытое содержание того, что есть в культуре и искусстве. Но опять-таки, за счет чего? Рефлексия в условиях *вживания* события в процесс проявляется «зрением сквозь материю», где «материя...то, что человек терпит, но не признает» [5, с. 114]. Рассеивание предметных уровней приводит к неполноценности художественной рефлексии; по М. Фуко, к «трансгрессии», к «жесту, обращенному на предел» [10], когда субъект «изменяет себе» [2, с. 98], то есть привычным реалиям своего обыденного существования. Итак, трансгрессия, фиксирующая феномен перехода непроходимой границы, прежде всего границы между возможным и невозможным, приводит к мысли, что культура обладает некими свойствами, которые субъект лишь фиксирует, но не порождает. Культурный процесс, после того как оказывается «запущенным» культурным событием, начинает жить по законам собственной логики. Получается, что культура делегирует некие свои свойства процессу, который тем самым *приобретает прикосновенность или принадлежность* культуре. Существует точка зрения, что культуре присуща театральность, причем последняя — это «целостный и внутренне противоречивый способ её существования» [3, с. 11]. Опуская довольно объёмную конструкцию определения О. В. Лихониной понятия театральности, отметим отсутствие в нем «оказионально взаимоднозначного соответствия» одному «означаемому» [11, с. 45]. Из этого следует, что вышеназванная формулировка определения не может претендовать на роль инварианта возможных синонимических преобразований, когда данный смысл уже по определению обязан присутствовать во всех равнозначных текстах. И ещё. Судя по данному определению, театральность — это способ существования культуры. Сам способ проявляется в различных формах и выполняет специфические функции. Определение может быть сведено к трем знакам утверждения театральности: способу — форме — функции.

Каждый из этих знаков исполняет роль интерпретанта в утверждении. Получается, что театральность в редакции автора определения воспринимается как интерпретант утверждения в силу конкретных и *проверяемых* соотношений (корреляций)? Но этого не происходит. Пролонгируя логику У. Эко, необходимо было бы признать, что утверждение о театральности есть *содержание* известного нам выражения. Однако в рамках теории означивания (signification) исследование содержания выражения не отвечает определенным требованиям, а именно: *способ, форма, функция* — все три интерпретанта не имеют эквивалентных выражений и не располагаются в одной и той же семиотической системе. Последнее принципиально, ибо тот же термин «форма» может рассматриваться и с точки зрения физики, и языкознания, и изобразительных средств художественного произведения, а концепт «функция» — помимо философского оформления, знает математическое значение переменной величины и может иметь медицинский и законодательный смыслы. Являются ли в таком случае три названных интерпретанта компонентами феномена «театральность» или они всего лишь теоретические конструкты некоего симулякра? Дело в том, что анализ эквивалентных словесных терминов «способ — форма — функция» ограничен синонимией термина — *действие*. Коль скоро «*действие*» выступает своеобразной коннотацией, кодируемой как «способ, форма, функция», то «театральность» в таком контексте уже не театральность, а «театральное действие». Предлагаемое психологией определение понятия «действие» сводится к процессу, подчиненному «представлению о том результате, который должен быть достигнут», то есть процессу, подчиненному сознательной цели. Однако подобный *сознательный процесс* усмотреть через значение *способа, формы, функции* невозможно. Театральность не имеет эквивалентного выражения в семантической субстанции среди интерпретантов, где располагаются компоненты выражения «театральное действие». Театральность определяется интерпретантом отождествляемым с осознаваемым *свойством содержания*, но не с формой или способом, т.е. как *осознаваемое свойство* она идентифицируется другими знаками, которые как элементы её содержания становятся при этом проверяемыми. Поэтому утверждение о театральности как свойстве культуры актуализирует категорию *содержания*, но не через *действие*, а через категорию *значения* в отношениях *свойства*. Будучи свойством, а не формой существования, она обнаруживает себя универсальной опорой культуры, проявляясь, каждый раз по-новому в публичности, повторяемости, предсказуемости и историчности, интегрируясь в некую единую формулу,

корреспондирующую через игру к двум взаимосвязанным, но не совпадающим явлениям: культурному событию и культурному процессу. Как свойство культуры, театральность исполняет *роль модального подчеркивания* в культурном событии и процессе того, что требует усиленного акцентирования и связано с необходимостью логической аргументации смыслов. Сколько видов деятельности, столько и видов театральности. В этом смысле культурный процесс есть своеобразная лагуна, заполненная игрой и артистизмом (театральностью), в которой культурное событие лишь частный случай вариативной полифонии такого процесса.

Резюме. Итак, укоренение *герменевтического вживания* культурного события в культурный процесс связано с таким свойством культуры как театральность. Структурные её компоненты — игра и артистизм определяют условия, при которых порождается и воспроизводится *не культура*, а в первую очередь *отношение* человека к Миру и к самому себе. За счет вариативности игры и артистизма культурное событие и культурный процесс обретают конкретику, стабильность и универсальность, определяемые суммой условий и обстоятельств, а также временем их протекания. Именно с этих позиций культура воспринимается, преобразуется, понимается и исследуется. Процесс этот имеет свою логику и свой механизм и не всегда осознается человеком. Выражая интенциональную компоненту вопрошания культуры, театральность в культурном событии и процессе может не зависеть от капризов аналитика и его отношения к самой культуре. Более того, субъект при этом как индивидуальность оказывается почти не нужным, ибо культура начинает жить своей самостоятельной жизнью.

Список литературы:

1. Безуглова Н. П. «Культурный поворот» в западной культурологии // Вестник МГУКИ. — 2010. — № 6. — С. 21—27.
2. Бланшо М. Неопишемое сообщество / Пер. с фр. Ю. Стефанова. — М.: Мос-ковский философский фонд, 1998. — 490 с.
3. Лихонина О. В. Театральность культуры тоталитарного государства (на при-мере советской культуры конца 1920—1930-х годов): автореф. дис....канд. куль-турологи / О. В. Лихонина. — Екатеринбург, 2008. — 21 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. — М.: Инсти-тут экспериментальной социологии. — Спб.: Алетейя, 1998. — 160 с.

5. Марк Ф. Мастера искусства об искусстве. — М.: Искусство, 1969. — 630 с.
6. Нельсон Р. Креатив — искусство прагматика, или ... как сотворить «продающую» рекламную идею // Техника рекламы. — 2005. Ноябрь.
7. Недугова И. А. Взаимосвязь культурных диссипатий и иллюзий сознания // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». — № 3. — 2011. — С. 100—105.
8. Пашкус Ю. В., Введение в бизнес. — СПб.: Северо-Запад, 1991. — 299 с.
9. Тазетдинова Р. Р. Театральность как базовый статус ценностей культуры // Проблемы культурной идентичности в глобализирующемся обществе: сб. науч. ст. / Отв. ред. Г. Н. Степаненко. — Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. — С. 77—80.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. — 670 с.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — СПб.: ООО ТК «Петрополис», 1998. — 432 с.
12. Bachman-Medick D. Cultural Turns: Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften / D. Bachman-Medick. — Hamburg, 2006. — 410 p.
13. Hofstede Geert: Culture's Consequences: International differences in workrelated values // Second Edition. Sage Publications, 1980. — 475 p.

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАДИЦИОННУЮ НАРОДНУЮ КУЛЬТУРУ

Белошанка Геннадий Иванович

канд. пед. наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут

E-mail: gbeloshapka@yandex.ru

Одна из самых серьезных проблем развития культуры на современном этапе — необходимость адаптации культуры к рынку, к системе рыночных отношений. Вопрос об утрате признаков аутентичности образцами традиционного творчества оказывается напрямую связанным с вопросом о субъекте народной культуры и, соответственно, об авторском праве. Этот вопрос актуализировался совсем недавно, что было обусловлено глобализационными процессами. Усиление тенденций к размыванию локально-специфических особенностей традиционных видов творчества под влиянием интенсивных процессов информационного обмена между

различными культурными мирами, формирование новых культурных и эстетических стандартов, соответствующих стандартам массовой культуры — все это существенным образом повлияло на состояние традиции и ее художественное воплощение.

С одной стороны, эта ситуация спровоцирована причинами, связанными с теоретической неразработанностью многих понятий, в том числе, основополагающих. В частности, рассмотрение традиционной народной культуры в качестве «самодеятельного творчества» позволило фактически уравнивать искусство и ширпотреб, где образцом для воспроизводства выступают коммерческие стандарты. С другой стороны, искажение художественных стандартов обусловлено и отсутствием четкой регламентации границ того или иного локального стиля или традиции. Однако именно сложность определения канона, в котором находит выражение художественная традиция, затрудняет фиксацию этой системы элементов, которые настолько взаимообусловлены, что изменение одного из них приводит к изменению всей системы.

Подобная проблематичность, а иногда — невозможность определения и закрепления единого образца, стандарта, канона напрямую связана с особенностями субъекта традиционной культуры. Коллективность авторства предполагает такие специфические качества народной культуры, как вариативность в пределах локального канона, которую определить через набор признаков невозможно. Отсюда — и сложность передачи этой традиции, которая до сих пор осуществляется только в непосредственном общении, позволяющем воспроизвести систему материально-технических и образно-выразительных средств, составляющих основу стиля, который развивается только в условиях определенной экзотности [3].

Непосредственная взаимосвязь между коллективной традицией и определенной территорией, где она развивается, зафиксирована и статьей 3 Федерального Закона «О народных художественных промыслах» № 7-ФЗ от 06 января 1999 года, где народный промысел определяется как «одна из форм народного творчества, деятельность по созданию художественных изделий, осуществляемая на основе преемственного развития традиции народного искусства в определенной местности». Этим местом традиционного бытования народного художественного промысла является «территория, в пределах которой исторически сложился и развивается в соответствии с самобытными традициями народный художественный промысел, существует его социально-бытовая инфраструктура и могут находиться необходимые сырьевые ресурсы». Именно подобная

экоэтносистема и формирует (обуславливает) целостность стиля, гармонично сочетающего индивидуально-авторское творчество с его стремлением к обновлению традиции через её обогащение новыми мотивами и технологическими приемами, и коллективное, обеспечивающее сохранение традиции через преемственность.

Однако ситуация приобретает черты подлинного драматизма, когда правопреемник традиционной народной культуры определяется случайным образом, чаще всего связанным с экономическими обстоятельствами. Сложность приспособления к рынку традиционного творчества приводит к распаду стиля и воплощающего его канона, к трансформации народного творчества в совокупность явлений, определяемых понятием «низовой фольклоризм». Эти явления, возможно, разрушают традицию гораздо более явно, чем откровенные образцы масскульта. Представляется, что все явления, сохраняющие поверхностную связь с особенностями локального стиля и существующие в виде сувенирной продукции, по существу, являются ничем иным, как артефактами массовой культуры. Для отечественной культуры эта ситуация достаточно нова, для Запада же она весьма характерна. То, о чем говорил в 70-е годы Г. Гэнс, является не исключением из правила, а самим правилом. В частности, практически все народное искусство в странах развитого туризма существует в качестве «этнизированного масскульта», который не только определяется как аутентичное искусство, но и охраняется законом.

Своеобразное отношение к истории, прошлому и традиции, специфическое понимание народной культуры демонстрирует, к примеру, профессор социологии Колумбийского университета Г. Гэнс. Говоря о народной культуре, американский исследователь демонстрирует понимание народного творчества как предприятия, учреждаемого для коренного населения, как правило, более цивилизованными эмигрантами или переселенцами в целях поддержания ими своего материального благополучия. В качестве примера автор упоминает эскимосов, научившихся изготавливать на продажу картины и скульптуру, а также эмигрантов из нацистской Германии, переселившихся в Эквадор и Перу, и оказавших помощь индейцам в создании «из сохранившихся святынь и секулярных артефактов... пользующегося спросом народного искусства» [5, с. 21].

Таким образом, Гэнс опровергает представление о народной культуре как «аккумуляторе» духовного опыта народа и низводит её в ранг «коммерческого предприятия», где «старая фолк-культура... продаётся в античных лавках дистрибьюторами». Но она же может

подняться и до уровня «высшей и выше-средней, которую собирают частные коллекторы и которая выставляется в музеях» [5, с. 21].

Гэнс выделяет в фольклоре, как его разновидность, «дилетантскую» культуру, к которой причисляет «обычные формы досуга и искусство, производящееся для дома, работы или общественного потребления». Причем, «дилетантская культура может быть не только модернизированной фольклорной культурой», но и «имитацией, адаптацией коммерческой культуры» [5, с. 15]. Воспринимаемая в качестве родственных термины «народное», «популярное» и «массовое», автор автоматически уравнивает не только понятия, но и явления, за ними стоящие.

Таким образом, народная культура трактуется западным исследователем необычайно широко и включает как приносящие прибыль промыслы, так и определенный тип музыки (country-music, folk-music) и причисляется как к высокой культуре, так и к массовой, коммерческой. В данной схеме в качестве синонима «массовому» выступает и популярное, становящееся даже более предпочтительным из-за его семантической близости к понятию «народное».

Сегодня во всем мире можно фиксировать как явную тенденцию существенное структурное изменение традиционной культуры, испытывающей давление рынка. В частности, в России прикладное творчество стало выступать, по преимуществу, в виде сувенирной продукции, многие региональные стили становятся универсальными, а повсеместно распространенным — общерусский — точнее, коммерческий стиль [2]. Как считают исследователи, влияние рынка на народную культуру представлено не только и столько конкретными элементами, где, к примеру, на матрешках воспроизводятся герои диснеевских мультфильмов, сколько самим стилем — «модным» колоритом, броскостью и при этом практически полным отсутствием стилеобразующих элементов [4, с. 158]. Кроме того, исчезает присущая народному искусству глубокая семантика, проявляющаяся в каждом образе и мотиве. Этот процесс начался еще на рубеже XIX—XX веков, когда впервые проявились тенденции к замене художественного смысла чистой декоративностью, а обобщенности, свойственной символическим образам, — «жизнеподобностью».

В это время появляется несвойственная прежде фольклору чистая повествовательность. К примеру, фигура женщины в традиционном фольклоре выступает как символ порождающего начала, всадник — древний солярный символ, а дерево — Древо жизни. Эти образы, передающие глубокую семантику, обобщенные, монументальные и лаконичные, постепенно приближаются к повседневной профанной

жизни, а их художественное выражение начинает отличаться декоративностью и детализацией. Наконец, в поздних образцах народного творчества они преобразуются в бытовую сценку — встречу всадника и девушки. «При этом персонажи, теряя глубинную символику, начинают воплощать некие идеальные представления о романтических отношениях, идиллии на фоне природы, а также распространенные представления о «красавцах» и «красавицах» — таким опосредованным образом воплощаются теперь мужское и женское начала» [4, с. 159].

Но это касается, в первую очередь, стихийного развития искусства, претендующего на народность и подлинность и стремящегося сохранить специфику и характерные особенности, прежде всего, в угоду рынку. Если же говорить о законодательных актах, то здесь к аналогичным последствиям — а именно, утрате подлинности и историчности — приводит недооценка духовно-поддержательной природы народной культуры. Во многом эта практика связана и с определенной терминологической традицией, где и в советских документах произведения мастеров народных промыслов проходили по графе «товары широкого потребления».

Подобное восприятие сложного, высокоиндивидуализированного творчества, опирающегося, в то же время, на вековую традицию, как деятельности по производству ширпотреба сопровождалось и аналогичными процессами в области планирования этого вида деятельности, что не приводило ни к экономическому, ни к, тем более, художественному росту. Наиболее негативно эта традиция сказалась на деятельности народных промыслов, ориентированных на промышленное производство изделий, наделенных статусом «художественного образца».

Во многом подобная практика связана с доминированием экономического интереса. Именно аргументация, связанная с экономической целесообразностью, приводит к восприятию эффективности конвейерного производства как более значимой, чем целесообразность сохранения аутентичной культуры в ее индивидуально-уникальных проявлениях. При этом в качестве художественного образца, который воспроизводится поточным методом, часто выступает некий артефакт, не отвечающий, с точки зрения самих носителей традиции и специалистов, необходимым требованиям художественности и аутентичности.

Сложность или невозможность сочетания художественно-исторического и финансово-экономического подходов к культурному наследию, определяется тем, что культурное наследие относится к

категории благ, не являющихся товаром и обладающих «диффузной» прибылью. Кстати, понятия «культурные ценности» и «культурные блага» получают содержательное толкование в статье 3 «Основ законодательства РФ о культуре», где «культурные блага» определяются как условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей. Между тем, сложные соотношения экономики и культуры, в частности, приватизация в сфере культуры, являются, по мнению исследователей, одним из проблемных узлов развития культуры в эпоху глобализации [6, с. 147—155] во всех странах. Как резюмирует Дж. Кьезе, если в XIX веке и до последней четверти XX века культура считалась синонимом свободы, то сегодня она «превратилась ...в одну из сфер экономики и средство извлечения прибыли» [1, с. 258]. На наш взгляд, для предотвращения, смешения «экономического» и «культурного» подходов следует запретить использовать культурные ценности, являющиеся государственной собственностью, в качестве залога для обеспечения кредитов и иных обязательств, а также должна быть определена норма, обеспечивающая государству приоритетное право приобретения культурных ценностей находящихся в частной собственности.

Список литературы:

1. Кьеза Дж. Глобализация и средства массовой информации // Постиндустриальный мир и Россия. — М., 2001. С. 258.
2. Материалы конференции «Фольклор и современная культура»// Традиционная культура: Научный альманах./ Государственный республиканский центр русского фольклора Министерства культуры РФ. — М., 2000. № 1.
3. Некрасова М. А. Народное искусство России в современной культуре. — М., 2003. — 256 с.
4. Народная культура в современных условиях. — М., 2000. С. 158—159.
5. Gans H. J. American Popular Culture and high Culture in a Changing Class Structur.// Prospects: An Annual of American Cultural Studies. Cambridge. 1985. Vol. 10. P. 15—21.
6. Krzysztofek K. Cultural Development and Globalization: How to Protect Cultures as Life Support Systems? // Culturelinkk. — Zagreb, Croatia: 2000. — Special Issue. — P. 147—155.

3.2. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ТРАДИЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ МУЖЧИН И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ермаков Сергей Анатольевич

д-р. филос. наук, профессор НКИ, г. Нижний Новгород

E-mail: ermacow@nnci.ru

Мезина Людмила Геннадьевна

старший преподаватель НКИ, г. Нижний Новгород

E-mail: mila_nki@mail.ru

Глубокие изменения в социальной жизни России, связанные с переходом к информационному обществу, ведут к серьезной трансформации жизненных устоев миллионов людей. Это вынуждает исследователей обратиться к изучению традиционных форм поведения в их соотносительности с реалиями настоящего. В череде вопросов, требующих своего решения, находятся гендерные проблемы. Одна из них — социальные функции мужчин.

Среди традиционных социальных функций мужчины выделяются установки на «доминирование» и «власть» [2, с. 3]. Традиционно мужчина реализовал данные интенции в работе и семье. Рассмотрим современное положение дел.

Общеизвестно, что в жизни мужчины работа играет большую роль. Достаточно сказать, что ей уделяется значительное время. Социологи отмечают, что «почти половина (47 %) населения работает сверхурочно. Значительные переработки (50 и более часов в неделю) в России зачастую являются признаком того, что человек работает, что называется, «на себя» (сверхурочная работа характерна, прежде всего, для предпринимателей и самозанятых)» [1, с. 48]. Руководитель также вынужден перерабатывать. Различные проверки, комиссии, подготовка отчетов — все требует дополнительного времени.

В работе мужчина самореализуется. Понятно, работа позволяет воплотить в жизнь приобретенные знания, умения и навыки. Она же позволяет реализовать в жизни свои планы и замыслы. К тому же работа является важной формой самоутверждения. Поднимаясь по карьерной лестнице, зарабатывая авторитет, мужчина растет в глазах

своих сослуживцев, возвышается в собственных глазах. Между тем и в этом вопросе есть свои нюансы. Исследователи констатируют: «Ситуация на работе тесно связана с возможностью профессиональной самореализации, хотя с годами эта связь становится менее выраженной, возможно потому, что на первый план выходит ненадежность самой работы. Если в 2006 г. россияне, благополучно охарактеризовавшие ситуацию на работе, в большинстве случаев (60 %) принадлежали к группе положительно оценивающих свои возможности профессиональной самореализации, то в 2009 г. этот показатель сократился до 53 %, а доля критических оценок возможности профессиональной реализации возросла» [1, с. 53]. Думается, что речь здесь должна идти не только о «ненадежности самой работы», сколько о смене приоритетов. С годами человек понимает, что далеко не все из того, чего ему хотелось бы достичь или воплотить в жизнь, возможно. Нужен Его Величество Случай, который только и может помочь. Но на случай надеяться не приходится. Отсюда возможно падение интереса к самореализации в профессиональной сфере. Главное: есть работа. А насколько она способствует (или не способствует) самореализации мужчины — это уже, как говорится, вопрос второй.

К слову сказать, для мужчины важна именно работа как место его пребывания. Мужчина должен на время уходить из дома. Он должен куда-то идти. Работа является тем местом, тем пунктом назначения, который так нужен мужчине. Порой мужчина, достигший пенсионного возраста, не уходит с работы только потому, что ему надо хоть на несколько часов покинуть дом. Он устает от лежания перед телевизором, от расспросов жены. Ему надо встать и уйти, чтобы потом прийти и лечь на диван перед телевизором и ответить на вопросы жены.

Таким образом, современность мало что привносит в жизнь мужчины. Как и прежде, он стремится реализовать себя на работе не только в качестве профессионала, но и личности. Традиционная линия поведения для него сохраняется основополагающей.

В числе основных жизненных ценностей мужчины семья также занимает важное место. Согласно социологическим исследованиям, семья и ее материальное благополучие опережают такие ценности, как здоровье, отдых и развлечения [3, с. 57]. На этом фоне смотрится скорее исключением, чем какой-то новой тенденцией, линия поведения М. Прохорова, который говорит, что «обременять себя семьей по-прежнему не хочет, работает по 12 часов в день и получает от этого огромное удовольствие, еще по 2 часа занимается спортом» [4, с. 12]. Все-таки, по мнению большинства мужчин, семья — это практичный

подход к жизни. С годами мужчина начинает понимать, что тратить время, силы и деньги на разных женщин накладно. Нужно обзаводиться своей семьей. Семейный мир — это то, ради чего стоит работать и жить, это возможность построения жизни по своему замыслу.

Мужчины накопили значительный опыт построения семьи. В сущности, традиционная моногамная семья есть во многом продукт реализации их устремлений: муж — добытчик, жена — хозяйка. Доминирование мужчины в семье было исторически оправдано и необходимо. Это нашло свое закрепление в традиции, которая наряду с положительными моментами вобрала в себя и ряд отрицательных аспектов. Один из них — физическое насилие в семье. В социологических исследованиях «на прямой вопрос «Подвергались ли Вы насилью?» ответили утвердительно 13,4 % опрошенных женщин, из которых 4,3 % отметили, что подвергались насилью в семье. Из подвергнувшихся насилью 25 % опрошенных в возрасте 26—30 лет и 30,2 % — 31—40 лет» [5, с. 123]. Среди основных причин физического насилия над женами называют: «материальные трудности и разногласия по поводу распределения семейных обязанностей... отметили 5,5 % и 4,7 % соответственно... первое место принадлежит пьянству и наркомании — 12,8 %, последнее — разногласиям по поводу выбора круга общения — 0,9 %» [5, с. 123]. В любом случае ясно, что мужчина не нашел достойных аргументов в пользу своей позиции и не придумал ничего лучшего, как силой «продать» свое решение. Как следствие — серьезный семейный конфликт.

В современных условиях, когда возросли социальные притязания современных женщин, деструктивное поведение мужчин становится веским основанием для распада семьи. Современная женщина не намерена терпеть своеволие мужа. Она также, как и он, самодостаточна. Наряду с ролью матери, она успешно выполняет другие социальные функции: женщина-руководитель, деловой и политический партнер, женщина-водитель. Скажем больше, современные женщины имеют все возможности для работы в традиционно мужских сферах деятельности. Женщины строят свою карьеру на военной службе, в органах внутренних дел, в подразделениях МЧС. При этом они занимают должности, которые требуют мужской силы и выносливости: следователь, спасатель, прокурор. Они выполняют эту работу наравне с мужчинами, конкурируют с ними и ни в чем им не уступают. Очень показателен в этом отношении популярный телевизионный сериал о следователе прокуратуры Марии Швецовой, выполняющей работу, от которой отказываются ее коллеги-мужчины. И когда встает вопрос о

выдвижении кандидатуры на более высокую должность, то безоговорочно выбор делается в ее пользу. Таким образом, в ряде профессий, которые считались исключительно мужскими, постепенно стираются грани между функциями мужчины и женщины.

Очевидно, что указанные моменты ведут к изменению в отношениях между полами. Традиционно доминирующая роль мужчины сменяется доминированием социально значимого человека. Им может быть не только мужчина, но и женщина. Женщина может взять на себя ответственность за свою жизнь, жизнь своих детей, своего мужчину. Для этого она должна быть не только профессионально активной, но и социально деятельной, состоятельной в материальном отношении. Женщина может сделать первый шаг навстречу своему избраннику, начать или разорвать сложившиеся отношения.

Мужчинам предстоит немало сделать для того, чтобы соответствовать уровню современных женщин. Насилие, дискриминация по отношению к женщинам должны уйти в прошлое. Партнерство, взаимодействие должны стать основой современных гендерных отношений. Причем мужчины должны быть готовы в том, что не только в семейной, но и профессиональной сферах доминирование уступит место кооперации, взаимодействию «на равных». Это, в свою очередь, приведет к изменению традиционных социальных ролей, которые выполняли мужчины и женщины. Информационное общество как бы уравнивает людей, нивелирует гендерный аспект, отдавая предпочтение яркой индивидуальности, творческой активной личности, которая только и может решить задачи, поставленные современностью.

Список литературы:

1. Аникин В. А. Работа в жизни россиян // Социологические исследования. — 2009. — № 12. С. 48—55.
2. Басистая Е. В. Гендерные стереотипы традиционной культуры // Гуманитарные и социальные науки. — 2009. — № 1. С. 2—9.
3. Бессокирная Г. П. Динамика ценности и мотивов труда рабочих (2003—2007 гг.) // Социологические исследования. — 2010. — № 2. С. 56—63.
4. Колесниченко А. Богатей без комплексов // Аргументы и факты. — 2011. — 6 июля. С. 12.
5. Лысова А. В. Физическое насилие над женами в российских семьях // Социологические исследования. — 2008. — № 9. С. 121—128.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ КОНФОРМИЗМЕ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Тургенева Ольга Юрьевна

канд. филос. наук, преп. каф. философии НТУУ «КПИ»,

г. Киев, Украина

E-mail: pacifermann@mail.ru

Актуальность социально-философской рефлексии конформизма, а также — дилеммы «нонконформизм-конформизм» как векторов социального действия, обусловлена состоянием социально-культурной сферы на глобальном уровне, глубокими изменениями в социальной среде. Означенные изменения (это подчеркивается рядом современных авторов, среди которых — исследователи процессов глобализации, информатизации современного общества, «ситуации постмодерна» в культуре и способов существования разнообразных феноменов в условиях этой ситуации) требуют переосмысления устаревших эталонов социального поведения и личностного развития человека.

Общество, которое на протяжении всего своего существования стимулировало и поощряло конформный способ социального бытия, поддерживало поведение, отвечающее нормам доминирующей культуры («общепринятым нормам»), мировоззренческие ориентиры, не противоречащие общепризнанным социокультурным ценностям, сегодня не может воспроизводить эту столетиями отработанную, испытанную временем схему. Трансформации, происходящие в современном социуме (глобализация, информатизация и т. д., а также — связанные с указанными процессами тенденции движения обществ к более «открытому» состоянию, рост социальной и географической мобильности граждан, перемены в социальной стратификации и многое другое) приводят к «отмиранию» устаревших аксиологических ориентиров, социальных норм и предписаний, в условиях, когда новая ценностно-мировоззренческая и нормативная системы еще не сформированы. Это обуславливает аномичное состояние общества, ситуацию социально-культурного кризиса (охватывающего все сферы общественной системы) и, наконец, — необходимость сложного социального выбора, перед которым оказывается современный человек. Описанная выше ситуация проявляется на глобальном уровне. Однако в условиях современных постсоветских обществ характер трансформаций не исчерпывается процессами глобального уровня, а наоборот — усложняется специфически-постсоветскими феноменами и процессами. Общемировая перестройка аксиосферы не может не проявляться на постсоветском пространстве, как

не может она не осложняться уникальной «аксиологической ситуацией», имеющей место в государствах бывшего СССР.

Известно, что идеология в Советском Союзе занимала место религии. Эта точка зрения раскрывается в ряде современных исследований, где рассматриваются различные аспекты «советской религиозности» — культ и его служители, ритуалы, идолы, воплощение «религиозных» идей в предметном теле культуры. Собственно же религиозные ценности отрицались в силу их «идеалистического» характера, а также — ряда вполне объективных свойств, негативно влияющих на важные для советского общества процессы — коллективизацию, труд, стремление к достижению всеобщего благополучия не на «том», а на «этом» свете и т. д. В литературе советского времени религиозность высмеивается, сторонники клерикализма предстают алчными людьми, обманщиками, преследующими эгоистические цели и т.п. Рациональное зерно в подобном подходе, несомненно, присутствовало; кроме того, история религии помнит подобные процессы, инициированные не атеистами, а — напротив — религиозными идеологами. Это была своего рода «Реформация» православия, приведшая, однако, к созданию не новой конфессии, а новой религии. Хотя коммунизм был ничем иным, как одной из наиболее ярких утопий, отношение советской идеологии к другим утопиям было крайне негативным. Идеологи социализма призывали воплотить представления о справедливости и благоденствии не в мечтах, а в деле — здесь, на земле. Нельзя не признать, что подобный призыв к мобилизации сил на улучшение материальных и моральных условий жизни был действенным ценностным ориентиром для реформаторов и «строителей коммунизма»; но нельзя также и забыть о конкретных (макиавеллистских) способах воплощения поставленных целей на практике.

Итак, долгое время страна жила с четким пониманием цели, вектора движения к ней, цены ее воплощения. На протяжении многих лет страна жила в состоянии энтузиазма, и это позволяло ей на практике совершать если не невозможное, то, по крайней мере, возможное при условии предельной мобилизации всех имеющихся сил. Идеология, занявшая в общественном сознании место религии, работала на благо общества, а свершения и победы укрепляли веру в правильность курса, вдохновляли на новые подвиги. Стоит признать, что советская идеология на практике была куда нагляднее (адепты видели результаты своего служения) и деятельнее утраченного православия; что до человеческих жертв, то без них не обходится ни одна религия. И именно утрата этой идеологии составила, по нашему мнению, стержень аксиологического кризиса, в котором оказалось постсоветское общество. Разумеется, кризисные

явления нарастали постепенно, оформляясь как в идеологической сфере, так и в материальной и, в конце концов, — обусловили возможность смены государственного строя и идеологии. Человек постсоветской эпохи очутился в ситуации крайней неопределенности: ценности и идеалы, декларируемые им на протяжении многих лет и бывшие общепринятыми, если не были преданы, то оказались ложными, и уж во всяком случае — не работающими в новых социально-культурных условиях.

Отдельный и очень важный вопрос, касающийся советской эпохи, связан с конформизмом и нонконформизмом. С одной стороны, конформизм порицался официальной советской идеологией; в советских философских словарях он противопоставлялся коллективизму: «в отличие от *коллективизма*, который предусматривает активное участие индивида в продуцировании групповых решений, осознанное освоение коллективных ценностей и, как следствие, — соотнесение собственного поведения с интересами коллектива, общества, и, в случае необходимости, подчинения последним, *конформизм* есть отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритичное следование любому образцу, имеющему наибольшую силу давления (мнение большинства, признанный авторитет, традиция и т. д.); революционное превращение общества невозможно без преодоления конформизма» [4, с. 166]. Косвенное осуждение конформизма содержится и в следующем высказывании В. И. Ленина: «нам нужны такие люди, за которых можно поручиться, что они ни единого слова не возьмут на веру, ни единого слова не скажут против совести, ...не испугаются никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели» [1, с. 391—392]. С позиций марксизма, социальные корни конформизма лежат в исторических традициях политического бесправия масс в классово антагонистическом обществе.

Несмотря на такую позицию официальной советской идеологии в отношении конформизма, именно конформное поведение советская система приветствовала в своих гражданах: и под видом коллективизма — в том числе. Именно «беспринципного и некритичного следования образцу, имеющему наибольшую силу давления» требовало тоталитарное общество от своего гражданина. Советская идеология порицала (как это свойственно многим религиям) неприятие (или неполное принятие) собственных догм, попытки противостоять — жестоко наказывались, что неудивительно: в религии не предусмотрено места для *мнения*, допустима только вера.

По мнению З. Фрейда, насилие, запугивание, национальный и социальный нарциссизм, идентификация с вождем и правящими группами — ведущие механизмы формирования социального конформизма. Э. Фромм и К. Хорни полагают, что конформизм (в данном

случае — автоматический конформизм) — одно из убежищ, куда человек бежит от одиночества, страха и даже свободы. Различные формы социального конформизма воплощаются в концепциях авторитарной личности и одномерного человека (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Хоркхаймер и др.) Первый из указанных типов трактовался как фундамент фашистских режимов, другой — как тип, характерный для современной индустриальной потребительской цивилизации.

Итак, советское общество сформировало конформиста, который, пережив распад системы, ощутил фрустрацию, утратил цели и ценностные ориентиры. Новая аксиосфера формировалась плохо: «реабилитированное» православие, прижившееся на постсоветской территории преимущественно в эрзац-форме, не могло заменить утраченную идеологию. Православие предлагало некоторые морально-этические нормы, однако было бессильно в выработке жизненных ценностей, ориентированных на активную, творческую, продуктивную жизнь. Иными словами, в русле религии не могли сформироваться идеи и идеалы, подвигающие на значительные социально-культурные свершения (да и любые другие социальнозначимые действия, для которых требовалась мобилизация умственного и физического потенциала, и которые способствовали бы общественному развитию). Кроме того, постсоветское православие, как и постсоветское общество в целом, достаточно аномично.

В социологическом словаре аномия определяется как «такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязующих их норм, относятся к ним негативно или равнодушно» [3, с. 17]. Иначе говоря, аномия выражает такую социальную ситуацию, когда люди не могут достигнуть своих целей законными средствами и, в силу этого, игнорируют их, стремясь к достижению цели «альтернативными», незаконными средствами. То есть, социальная аномия — это процесс, возникающий в результате конфликта социально признанных целей и способов их достижения. Аномии можно трактовать также как своеобразный «зазор» между официальными законами и их соблюдением на практике.

По нашему мнению, аномия в постсоветском обществе связана, прежде всего, с тем, что в советское время законы, нормы и правила диктовались «сверху», без учета реальных потребностей граждан и социума. Тогда же возникли социальные институты, номинальная цель существования которых, декларируемая официально, в корне отличалась от реальных целей. Плановая экономика приводила на практике к товарному дефициту; товары первой необходимости приобретались «в обход» официальных торговых предприятий; привилегированные слои

советского общества имели доступ к благам, недоступным для остальных граждан; в социалистическом обществе, где все равны, некоторые оказались «равнее». Ментальность советского человека сформировалась под влиянием указанных реалий, и неудивительно поэтому, что традиция воспринимать законы как некоторый официальный «эрзац», не имеющий ничего общего ни с реальной жизнью, ни с неписаными законами, нормами и правилами реального общества, была привнесена и в постсоветские государства.

Отдельно отметим, что и советское, и постсоветское общества — среда засилья «превращенных форм». Эта категория марксистской философии, которую многие современные исследователи считают устаревшей и предлагают заменить постмодернистским термином «симулякр», как нельзя лучше отражает вышеописанные тенденции. Превращенная форма характеризует социальные феномены (например, организации), первоначальная цель и внутренняя сущность которых была в корне изменена, при сохранении внешней формы (видимости формы); симулякр же представляет собой «копии, не имеющие оригиналов в реальности», репрезентации несуществующих явлений (Ж. Бодрийяр). Сам термин «форма превращенная» (*verwandelte Form*) был введен в философский обиход К. Марксом и относился к некоторым характеристикам строения и способа функционирования сложных систем связей, он позволял исследовать «видимые зависимости и парадоксальные эффекты, выступающие на поверхности целого в качестве того, что, тем не менее, является «формой его действительности или, скорее, формой его действительного существования» [2, с. 269].

Постсоветское общество характеризуется, среди прочего, обилием превращенных форм; особенно это касается предприятий и организаций государственного сектора (зачастую основной их деятельности является имитация деятельности, приуроченная к различным отчетам и ревизиям). Учитывая конформизм (основное наследие советской эпохи) как ведущую черту «психологического портрета» представителей среднего и старшего поколений, а также — аномию социокультурной сферы, засилье «превращенных форм» и разрушенную аксиосферу, отсутствие четких ценностно-мировоззренческих ориентиров, мы можем говорить о системном социально-культурном кризисе постсоветского общества, разворачивающемся на фоне кризисных и трансформационных явлений глобального характера.

По нашему мнению, преодоление указанных негативных общественных явлений должно быть сопряжено с преодолением конформизма как ведущей черты ментальности человека постсоветского общества. В условиях современного мультикультурного глобализирован-

ного социума невозможна «реанимация» общепринятой идеологической системы по советской схеме, неэффективными будут и попытки выстраивания системы морально-этических норм православного (или иного религиозного) характера. Думается, что разрешение системного социально-культурного кризиса современности вообще невозможно «сверху», а, напротив, — только «снизу», через воспитание и самовоспитание свободных и независимых граждан с развитым правосознанием, способных к анализу процессов, происходящих в обществе, их трезвой оценке и корректировке дальнейших путей общественного развития; не к подчинению диктату аномичного общества, а к противостоянию ему, осознающих, что любое подчинение только усугубит кризис. Это не значит, однако, что конформизму в трансформирующемся постсоветском обществе нет места. Напротив, он необходим: для *соблюдения* законов в условиях, когда принято их «обходить», для ориентации на писаные, а не «неписаные» нормы. В то же время, конформизм служит не только противостоянию проявлениям социальной аномии, но и оценке соответствия официальных законов объективным общественным потребностям и, в случае несоответствия, — решению возникших проблем цивилизованным путем, возможности равноправного диалога с властью.

Э. Фромм еще в 1956 году представлял основную проблему современности как «равнодушие человека к самому себе», подчеркивая при этом необходимость раскрытия человеком «правды о самом себе», обнаружения социальнозначимых психологических ориентаций, влияющих на формирование социального характера индивида, способствующих пониманию того, что человек — единственное существо, наделенное совестью [5, с. 31]. Нельзя не подчеркнуть, что для современных постсоветских государств мысль Фромма по-прежнему актуальна.

Список литературы:

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 45. / В. И. Ленин — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 391—392
2. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. — [2-е изд., измененное и дополненное]. М.: «Прогресс-Культура», 1992. — 415 с.
3. Современная западная социология: Словарь. / [сост. Давыдов Ю. Н. и др.] — М.: Политиздат, 1990. — 432 с.
4. Философский словарь / [под ред. И. Т. Фролова.] — 4-е изд. — М.: Политиздат, 1981. — 445 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество / Эрих Фромм; [пер. с англ. Т. Банкетовой]. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 539 с.

3.3. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БЫТИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ ИНДИИ

Качмала Александр Викторович

аспирант кафедры философии ЧелГУ, г. Челябинск

E-mail: dzeta.noize@gmail.com

Сегодня становится заметной тенденция избрания людьми восточного, в том числе индийского, пути поиска смысла жизни и достижения душевного равновесия. Причина этого интереса к философии Востока, возможно, связана с такими её чертами, как духовность, интуитивность и естественность. В основе появления и развития индийской философии лежит идеалистическая и теистическая традиции, религия и философия были не конкурирующими, а взаимосвязанными сферами жизни. Сложно отыскать пример большей верности истокам, чем в индийской цивилизации. Древние религиозно-философские тексты оставались и остаются в центре мировоззренческих исканий ортодоксальных школ. Многовариантность онтологических концепций, их терпимость друг к другу и одновременно приверженность большинства школ традициям — всё это отличает индийскую философию.

Среди разнообразия концепций устройства бытия и реальности — дуалистических, плюралистических, монистических — последняя является наиболее древней и до сих пор актуальной для Индии. Восточный монизм утверждает только высшее начало — бога Брахмана. Разделение истинного и иллюзорного бытия появляется уже в древних текстах, а затем получает выражение в философских школах, особенно, в веданте, преобладающей в своих разных формах в философском духе Индии. Истинное бытие «сат» отвечает законам, упорядочивающим всемирный хаос, а небытие, «асат», нарушает космическую организацию вещей в мире. Истинное бытие, воплощённое в Брахмане, есть единое сущее, первое начало вселенной, «бытие, погруженное в вечность», нерождённое, нетленное, пронизывающее этот мир, но стоящее за его пределами. Бог есть не что иное, как «абсолют, объективированный где-то как нечто, дух, пронизывающий собой всё» [8, с. 261]. Абсолютное начало «неизреченно, оно выше всякой проявленной мысли» [11, с. 43]. Только молчанием в полной мере выражается Абсолют. Брахман выражает объективное духовное начало, а его вторая сторона, Атаман, субъективное

начало, душу. Атаман максимально проявляется в человеке, и в этом отличие людей от всего мира.

Земное бытие, представляемое вселенной и тем, что она содержит — «бытие ненастоящее, иллюзорное, феноменальное, уничтожающееся» [10, с. 58], или по выражению Л. А. Тихомирова, «юдоль страдания». Функция сотворения и организации вселенной ложится на плечи божества. Причем это не единичный акт, «процесс, а не событие» [5, с. 136] и длится он непрерывно. Земной мир подобен человеческому сну, и его реальность весьма условна. Это бытие возникает, затем пропадает и снова возвращается. Так происходит круговорот земного бытия. Только эмпирический мир доступен для осмысления, трансцендентная же сфера бытия не поддается анализу. Реальный мир есть «результат праведных, соответствующих дхарме, и неправедных поступков населяющих его живых существ» [6, с. 4]. Абсолютное бытие неразруσιμο, хотя внешне оно невидимо. Реально видимый мир есть творение невидимого бытия, но он настолько мнимый, что высшее начало не проявляет к нему никакого интереса: «Я, — говорит он, — одинаков для всех существ, я не имею к ним ни ненависти, ни любви» [10, с. 59]. Высшее божество «не заключается в этом видимом мире, а только видимый мир в нём заключается» [10 с. 58]. Аналогами первичной и творящей субстанции Божественного Брахмана в западной философии являются перводвигатель Аристотеля, абсолютный дух Гегеля, Мировая Душа в гностической онтологии, Мировая Воля Шопенгауэра, и это далеко не полный список онтологических параллелей.

Вайшешика, ортодоксальная философская школа одна из первых представила политеистический взгляд на структуру бытия, отличающийся плюрализмом. Философы этой системы признают «присутствие Бога, Ишвара в космогоническом процессе, который не творит мир, а осуществляет «надзор» над стихиями, которые так же вечны, как он сам» [7, с. 85]. Действиями атомов движут адришты, «невидимые» факторы, воплощающие закон кармы. Реальность, по вайшешике, это всё, что можно обозначить словами. Философия вайшешики отчетливо разводит мир вещественный и мир невещественный параману. Все объекты мира делятся на два класса: одни обозначаются словом «бытие», другие «небытие» — несуществующие объекты. В трактовке категорий бытие и небытие заметно прослеживаются основы диалектического подхода к изучению внешнего мира. Деление между ними условно, «они непрерывно сменяют друг друга» [1, с. 225]. Все вещи «относятся к небытию до своего рождения и после гибели» [4, с. 129]. Среди бытия выделяются шесть видов реальностей — субстанция, качество, действие, общность, особенность, присущность. Об их существовании свидетель-

ствует само бытие, но оно намного шире этих категорий: «Поскольку бытие существует в качествах и действиях, оно не является ни качеством, ни действием... потому что в бытии отсутствует общее и особенное» [3, с. 175].

Философские школы санхья и йога придерживаются дуализма в определении реальности, включающей два независимых друг от друга вида — пракрити и пуруши. Приверженцы санхьи отрицают бога как творца мира, но верят в него как «вечно совершенного духа, который является свидетелем мира и одно присутствие которого заставляет материю действовать и творить» [12]. Пуруша как первочеловек — это идеальное начало, чистое сознание, дух, высшее «Я», находящееся вне мира объектов в состоянии неизменности. Он, «тысячеглавый, тысячеглазый, тысяченогий, являющийся некоторого рода моделью космоса и одновременно человечества» [9, с. 376], выступает в роли космического разума, обладающего истинной мыслью и чистым сознанием. Пракрити предстаёт материальной первопричиной объектного мира, постоянно изменяющаяся и состоящая из трех сил — гунн (саттва, раджа, тамас), связанных, по сравнению Чаттерджи, как три верёвки в канате, являющих трехгунное объективное бытие. Пракрити, или майя является отражением реальности, отрицательным началом, дающим толчок всеобщему становлению. Мир майи не может существовать отдельно от чистого бытия [8, с. 304]. В «Лекциях по истории философии» Гегель уделяет санхье и гунам значительное внимание: «наблюдающее сознание индусов обратило внимание на то, что истинное в себе и для себя содержит в себе три определения, и понятие идеи завершается в трех моментах» [2, с. 173]. Гуны, как умопостигаемые сущности, не могут непосредственно восприниматься человеком, об их существовании можно судить по следствиям — объектам физического мира, которые вызывают радость, страдание, безразличие.

Индийская философская традиция своеобразна и многообразна. Школы индийской философии, даже в русле ортодоксальной традиции, отличаются как разнообразием взглядов на устройство бытия, так и общностью философских суждений на этот предмет. Не исключено, что это связано с особенной преемственностью философского опыта и большой ролью традиционных учений. Индийская мысль объясняет природу и устройство жизни, основываясь на идеалистическом монизме, который влияет даже на дуалистические и плюралистические школы. Метафизические концепции индийской философии пронизывает атмосфера веры в особый нравственный миропорядок. Мироздание необхватно во времени и пространстве. Духовная и физическая сферы жизни предстают моральной ареной для совершенствования. Весь мир

представляется как единое бытие «несравненной громадности и необъятности, одушевленное одним духом и заключающее внутри своей субстанции все формы жизни» [8, с. 290]. При этом действительность, осязаемая и ощущаемая, на самом деле иллюзорна и незначительна в бытийном плане. Они занимает самую низшую ступень в иерархии бытия. На самую вершину онтологической структуры ставится духовность. Бытие духовное понимается как главенствующее и высшее. Вечным бытием бога проникнута вся жизнь индийцев. Брахманистское — определяющее направление индийской философии. Брахман как олицетворение бытия, обладает высшей мудростью, настолько высшей, что молчание есть наилучший способ её выражения. Видимый мир это не что иное, как творение невидимого бытия. Поэтому истинное бытие располагается за пределом материального мира и постигается не через органы физического восприятия, а другими способами — внутренними и мистическими. Низшее и высшее бытие представляются сферами, которые охватывают и проникают друг в друга.

Список литературы:

1. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. М.: Наука, 1993. 320 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн.1.СПб.: Наука, 1993. 350 с.
3. Гостеева Е. И. Философия вайшешика. Ташкент: Изд-во Академии Наук УССР, 1963. 208 с.
4. Гриненко Г. В. История философии. М.: Юрайт-Издат, 2004. 688 с.
5. Дандекар Р. Н. От вед к индуизму: эволюционирующая мифология. М.: Восточная литература, 2002. 286 с.
6. Лысенко В. Г. Как я понимаю индийскую философию // Философский журнал. 2010. № 1. С. 4—8.
7. Лысенко В. Г. «Философия природы» в Индии: атонизм школы вайшешика. М.: Наука, 1986. 199 с.
8. Радхакришнан С. Индийская философия. СПб.: Академический проект, 2009. 1008 с.
9. Степанянц М. Т. Философские традиции Индии, Китая и мира ислама // История философии: Запад-Россия-Восток. Кн. 1. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2000. С. 354—412.
10. Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. М.: ФондИВ, 2007. 808 с.
11. Чаттерджи С. Сокровенная религиозная философия Индии. Харьков: Рубикон, 1991. 111 с.
12. Чаттерджи С., Датта Д. Введение в индийскую философию [электронный ресурс] // URL: <http://www.yogalib.ru/chaterdji-datta> (Дата обращения: 22 декабря 2011).

ПРОБЛЕМНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ЦИКЛ ДЕЙСТВИЯ МЕТОДА В ГУМАНИТАРНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Суворов Глеб Владимирович

*ассистент кафедры философии и социологии, Вятский
государственный гуманитарный университет, г. Киров
E-mail: suvorov-gleb@mail.ru*

В процессе развития науки стало совершенно очевидным, что важнейшим компонентом, детерминирующим научное исследование, является разработка методов в самых различных сферах человеческой деятельности. При этом философский анализ познания начинает не просто усваивать представления, заимствованные из иных научных дисциплин, но включаться в методологические дискуссии по поводу понятий и проблем, значимых для эпистемологии.

В качестве идеалов строгого научного метода, выделяют следующие компоненты: связность, непротиворечивость, рациональность, простота научного знания [5, с. 114]. Рассмотрим динамику научного метода, специфику его элементов (теория, правила мышления, операции мышления), а также его связь с проблемным материалом на примере методологии гуманитарных наук.

Известно, что любое исследование начинается с выделения проблемного материала. Проблемное знание представляет в сознании исследователя предмет мышления, то есть то, о чём следует размышлять. В естественных и точных науках проблемное знание выступает в виде логических противоречий. Значение проблемного материала в гуманитарном исследовании имеет свою специфику. Как и в мировоззрении, это содержание своеобразно тем, что формируется зачастую из ценностных представлений и категорий, дающих смысловую несвязность. Если учёный-естествоиспытатель стремится к получению истины, т. е. объективно-понятого значения, то гуманитарий получает истины-смыслы. Следовательно, проблема гуманитарного материала состоит в открытии таких знаний, которые содержат потенции смыслов. В гуманитарных науках, в отличие от естественнонаучных идёт постоянная рефлексия над проблемным полем исследования, работает постоянная переоценка, как проблемного материала выбранных методов, так и полученных результатов. Следовательно, гуманитарное исследование представляет собой бесконечный процесс меняющихся смыслов. Например, в историческом исследовании объект имеет в значительной степени

мировоззренческую структуру, поэтому оценка историка исходит из потребности в раскрытии этических, эстетических, религиозных и иных ценностных аспектов прошлого. В трактовке Г.-Х. Гадамера данный феномен обозначен понятием «исторического горизонта». Совокупность исторических горизонтов образуют один большой, внутренне подвижный горизонт, который, выходя за рамки современности, охватывает исторические глубины нашего самосознания [2, с. 331]. Таким образом, мы можем утверждать, что цель проблемного поиска в гуманитарном исследовании состоит в следующем: 1) понять смысл изучаемого; 2) включить его в контекст современности. Итак, включенность субъекта в объект социогуманитарного познания определяет его аксиологическую детерминацию.

Но решение исследовательских проблем возможно только на основе метода. Если проблема определяет объект мышления, то метод диктует способы его постижения, для получения необходимого результата. Следовательно, сравнение наличной познавательной проблемы с необходимым идеальным состоянием и уже имеющимися образцами ранее решённых проблем задаёт магистральный путь решения: «В качестве методов оценивания действуют исторически сложившиеся целевые образцы знаний-результатов. Центральную линию здесь определила логическая культура, в рамках которой возникли ключевые идеалы когнитивной связанности и непротиворечивости. Эти нормы вместе со своими частными и особыми вариантами стали ведущими методами проблематизации. Если некоторое знание в качестве предмета оценивания соответствует образцам, оно квалифицируется в виде нормативного и рационального продукта. Любое отклонение от идеалов расценивается как иррациональное образование. Такие фрагменты знания отделяются от нормальных структур и становятся содержанием проблем» [5, с. 71—72].

Если поставлена проблема, то она и выступает центром внимания. Метод, формируемый в интеллекте, остаётся на периферии внимания и ускользает от сознательной фиксации. Из поля внимания может выпасть большая часть инструментального этапа, где из проблемного материала метод производит результат. Но на фоне непрерывного слежения за проблемой внезапная фиксация результата даёт эффект «инсайта». Таким образом, психика исследователя, представленная как набор определённых эмоциональных реакций и предпочтений, сориентирована в наибольшей степени на идеальную сторону ценности — на определённые цели и образцы. Если же предмет оценивается в виде задачи и формулируется в вопросной

форме, мы имеем начало мышления, где конституируются особые акты формирования метода и его применения» [5, с 77]. Здесь важную роль играет теоретическая составляющая научного метода, задающая ключевые для исследователя представления о мире, позволяющие находить связи между наблюдаемыми фактами. Эти связи и являются, в свою очередь, важнейшим информационным продуктом исследования, а в дальнейшем — основой исследовательского метода, применимого к другим проблемам данной дисциплины.

Метод не навязывается предмету познания или действия, а изменяется в соответствии с их спецификой. Исследование предполагает тщательное знание фактов и других данных, относящихся к его предмету. Оно осуществляется как движение в определенном материале, изучение его особенностей, связей, отношений и т. п. Таким образом, правильность метода всегда детерминирована содержанием предмета. Поэтому метод всегда был и есть «сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания», «сам себя конструирующий путь науки» [3, с. 251]. Такое понимание для развития гуманитарной науки остаётся важным и актуальным, так как оно неотделимо связано с вопросом природы исследуемого объекта и его неразрывной связи с субъектом.

Метод существует и развивается только в сложной диалектике субъективного и объективного. При этом считается, что определяющая роль отводится последней. Метод в гуманитарном исследовании, как и в естественнонаучном познании, объективен и фактичен, но вместе с тем он субъективен, что выражается в том, что на основе объективной стороны (познанные закономерности исторической действительности) формулируются определённые принципы, правила и регулятивы. Значимая роль субъективных факторов метода в гуманитарных науках объясняется их спецификой, тем, что «носителем» метода является конкретный индивид, субъект, для которого, собственно говоря, данный метод и предназначен. Поэтому правомерен вывод о том, что метод является деятельностной структурой индивидуального сознания [4, с. 60—61]. Тем не менее, «все методы, какими бы различными не были, обладают общим свойством, быть применением знания» [1, с. 59].

В этом смысле универсальность научного метода заключается, на наш взгляд, в том, что его нельзя трактовать в качестве абстракций (гуманитарное познание) или закостенелых общих формул-предписаний (естественнонаучное познание). Он не существует вне его конкретного реального носителя: личности учёного, философа, научного сообщества, коллективного субъекта и т. п. Каждый метод

всегда «замыкается» на конкретного субъекта, а включённость субъекта в структуру метода объясняет его творческий характер, который нацелен не только на научные открытия, но и на созидание нового в любой сфере человеческой деятельности.

Итак, в гуманитарном исследовании недопустимо рассматривать метод как некий механический набор предписаний, на основе которых можно решить познавательные проблемы. В этом смысле не существует метода, который можно было бы систематически применять для достижения цели. Как отмечал Г.-Х. Гадамер, «не существует метода, который позволил бы научиться спрашивать, научиться видеть проблематически» [2, с. 28].

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
2. Гадамер Г.-Х. Истина и метод: основы философской герменевтики — М.: Прогресс, 1988. — 699 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики — М.: Мысль, 1971. — 248 с.
4. Кармин А.С. Поиск и оценка методов исследования. — М.: Наука, 1987. С. 58—74.
5. Юлов В. Ф. Мышление в контексте сознания — Киров: Академический проект, 2005. — 495 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ В БАССР

Вафаева Эльвира Рашидовна

*ассистент кафедры истории Отечества и МПИ
СГПА им. Зайнаб Бишиевой, Республика Башкортостан,
г. Стерлитамак*

E-mail: yafaeva.elvira@mail.ru

В послевоенное время правоохранительные органы Башкирской Автономной ССР находились в затруднительном положении. Это было связано, в первую очередь, с вопросами организационно-структурных изменений в политике внутренних дел.

Ввиду того, что впервые послевоенные годы остро встал вопрос о нехватке сотрудников, то одной из самых важных проблем, стоявших перед органами внутренних дел, была проблема кадров, и главное основное внимание глав администрации было сосредоточено на ликвидации некомплекта кадров. Решение ее существенно затруднялось тем, что острейшая нехватка ресурсов не позволяла обеспечить отбор в органы внутренних дел людей, отвечавших необходимым требованиям.

В результате проводимой политики, по полному укомплектованию кадров, значительная часть работников отделения милиции и органов прокуратуры имели низкий уровень общеобразовательной и политической подготовки недостаточные навыки оперативной подготовки, вследствие чего не могли успешно осуществлять задачи, возлагаемые на правоохранительные органы [2].

Немаловажное значение в кадровой политике правоохранительных органах в Башкортостане уделялось национальному составу сотрудников. Данное обстоятельство определялось в первую очередь,

желанием власти видеть на местах сотрудников из коренной прослойки, т. е. башкиров и татар.

Как свидетельствуют архивные документы, превалирование сотрудников коренной национальности в органах, приветствовалось и поощрялось. Если же из общего количества сотрудников, основную массу составляли прочие национальности (русские, украинцы, мордва, чуваша и т. д.), то данное явление считалось ненормальным, объявлялся выговор, с указанием на то, чтобы были приняты меры, для решения данного вопроса.

В материалах проверки состояния работы с кадрами МВД БАССР отмечается, что общее число сотрудников МВД и милиции по штату на первый квартал 1949 г. предусматривает 4460 человек. Фактически было укомплектовано 95,9 %.

Из них национальный состав работников МВД и милиции характеризовался следующими данными: русские — 49,1 % (2100 человек); башкиры — 14 % (599 человек); татары — 28,3 % [7, с. 1] (1210 человек), прочие народности — 368 человек. Итого всего было укомплектовано 4277 человек.

Данные материалов проверки следует, что основная масса сотрудников по национальному составу является русскими. Это объяснялось тем, что, в основном, лица коренной национальности, были задействованы на работе в деревне, и большая часть не имела даже начального образования.

Данное обстоятельство было отражено в докладе о результатах проверки состояния работы с кадрами МВД БАССР. В отчете указывалось, что «в работе с кадрами отсутствует должное внимание к подбору и выращиванию работников из коренной национальности башкир, особенно по руководящему составу центрального аппарата, где из числа 91 начальников отделов, замначальников отделов и начальников отделений МВД и Управления милиции башкир работает всего 3 человека» [7, с. 2].

Так, в Октябрьском, Ишимбайском Горотделе МВД БАССР, Еркееевском, Улу-Телякском, Кугарчинском и других райотделениях МВД, на период 1946—1951 гг. лиц из коренной прослойки, среди общего числа сотрудников, было незначительным.

Например, в Ишимбайском Горотделе МВД только 1/3 аппарата состояла из лиц коренной национальности. Как указывается в отчете «эта прослойка в 1948 г., по сравнению с 1947 г. сократилась на 7,3 %, а в первом квартале 1949 г. — на 9,1 %» [1, с. 11]. В своем докладе прокурор г. Уфы, старший советник юстиции П. Пресняков, отметил, что данное обстоятельство является ненормальным явлением, и

должны быть приняты меры «по возвращению сотрудников органов внутренних дел из коренной национальности» [1, с. 12].

Такое же положение наблюдалось и в Еремекеевском райотделении МВД. Из общего числа сотрудников милиции (всего 16), лица коренной прослойки составляли на 1948 г. — 13 человек (1 башкир, 12 татар), на 1949 г. — 0 и на 1950 г. — 0 [9, с. 104].

Таким образом, укомплектация должностей РО МВД лицами из коренного населения в 1950 г., по сравнению с 1948 г. Уменьшилась на 17 %.

Иначе дело обстояло в Макаровском, Балтачевском РО МВД БАССР. В Макаровском РО МВД укомплектовано 15 штатных единиц. Как указывается в справке о состоянии работы с кадрами в Макаровском РО МВД БАССР, по национальному составу работников РО подобран правильно: башкиры составляли 60 % (9 человек), татары — 13,5 % (2 человека) и русские — 26,5 % (4 человека) [10, с. 95].

В Балтачевском РО МВД штат — 20 единиц: из них 87 % составляли сотрудники коренной прослойки и только 13 % прочие национальности [8, с. 160].

В справке «Цифровые данные по работе с кадрами органов милиции БАССР за 1953, 1954 и первую половину 1955 гг.» [11, с. 121] указывается общие данные относительно национального состава сотрудников: башкиры — 17 %, татары — 37,3 %, русские — 35,2 %, прочие — 10,5 %.

Кадровая политика по обеспечению сотрудниками из коренной национальности затронула так же и органы прокуратуры.

Так, в «Списках работников прокуратуры и следственных органов» [5, с. 5] за 1947 г. указывается, что из общего числа сотрудников (19 человек), всего 2 башкира, 4 татар, 6 русских и 7 человек прочие национальности.

Из них, в центральном аппарате руководства прокурор республики Набатов А. А. и заместитель прокурора по специальным делам Шиндов И. И. были по национальности русскими.

На 1949 г. укомплектованность кадрами центрального аппарата и периферийных органов прокуратуры предусматривало 306 человек, фактически укомплектовано 301 человек. Из них всего 48 башкир.

В докладе «О состоянии кадров по прокуратуре БАССР по состоянию на 31.12.1949 г.» [4, с. 11] представленным заведующему административным отделом обкома ВКП(б) В. Х. Вахитову, национальный состав определяется следующим образом: всего — 301 единица, из них 48 башкир, 101 татар, 110 русских и 42 прочие национальности. В центральном аппарате работают только 5 башкир.

На 1 января 1950 г. национальный состав прокуратуры [3, с. 6] был представлен в следующем виде: всего 298, из них 53 коренной национальности и 245 прочие. На 1 января 1951 г. в национальный состав прокуратуры [3, с. 7] наблюдается рост числа сотрудников из коренной прослойки: башкир на 2 %. Но подавляющим числом сотрудников остаются прочие национальности.

В «Справке о работе органов прокуратуры БАССР за 1954 и первый квартал 1955 гг.» [6, с. 86] отмечается, что «на 1 января 1955 г. было несколько увеличено число работников коренной национальности — башкир и татар». По данным доклада число сотрудников органов прокуратуры БАССР составляло 59,3 % против 57,2 % на 1 января 1954 г. Всего штат прокуратуры составлял 265 сотрудников [6, с. 85].

Следовательно, уже к 1955 г. наблюдается увеличение количества числа сотрудников органов внутренних дел из коренной прослойки. Следует заметить, что эта прослойка за 1951—1955 гг., по сравнению с 1946—1950 гг. увеличилась на 22 %, что говорит о целенаправленной кадровой политике по выращиванию работников из коренной национальности.

Таким образом, организационно-структурные изменения в кадровой политике правоохранительных органов затрагивали не только проблемы качественного состава сотрудников, но и немаловажное значение уделялось национальному составу работников. При этом предпочтение отдавалось башкиро-татарской коренной прослойке.

Список литературы:

1. Акт проверки работы с кадрами Ишимбайского Горотдела МВД (1.02.1949 — 30.05.1949)// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений (Далее: ЦГАОО) РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 735.
2. Вафаева Э. Р. Организационно-структурные изменения и кадровая политика в органах внутренних дел в послевоенное время (на примере Республики Башкортостан)//Вопросы права в современном мире: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (02 ноября 2011 г.). — Новосибирск: Изд. «Априори», 2011. — С. 82 — 87.
3. Кадровый состав работников прокуратуры БАССР// Доклад о работе отдела кадров прокуратуры БАССР за 1950—1951 гг.// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений. Ф. 122. Оп. 30. Д. 208.
4. О состоянии кадров по прокуратуре БАССР по состоянию на 31.12.1949 г.// Секретная переписка отдела с МВД и судебными

органами// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений. Ф. 122. Оп. 29. Д. 749.

5. Списки работников прокуратуры и следственных органов за 1947 г.// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений. Ф. 122. Оп. 29. Д. 734.
6. Справка о работе органов прокуратуры БАССР за 1954 и первый квартал 1955 гг.// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1910.
7. Справка о результатах проверки состояния работы с кадрами МВД БАССР// Материалы проверки состояния работы с кадрами МВД БАССР// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений. Ф. 122. Оп. 29. Д. 737.
8. Справка о состоянии работы с кадрами в Балтачевском РО МВД БАССР// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР// ЦГАО РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 735.
9. Справка о состоянии работы с кадрами в Ермекеевского РО МВД БАССР// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР// ЦГАО РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 735.
10. Справка о состоянии работы с кадрами в Макаровском РО МВД БАССР// Материалы проверки работы с кадрами МВД БАССР// ЦГАО РБ. Ф. 122, Оп. 29., Д. 735.
11. Цифровые данные по работе с кадрами органов милиции БАССР за 1953, 1954 и первую половину 1955 гг.// Стенограмма совещания работников МВД и Управления милиции// Центральный Государственный Архив Общественных Объединений. Ф. 122. Оп. 32. Д. 1958.

РАСХОДНЫЕ СТАТЬИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1958—1964 гг.

Маслова Ирина Александровна
аспирант НТГСПА, г. Нижний Тагил
E-mail: regius@mail.ru

1958—1964 гг. — один из сложных периодов в истории Русской православной церкви. Он характеризуется широкомасштабными действиями со стороны государственных органов власти, направленными на искоренении религии из жизни общества. Прежде всего, давление на церковь осуществлялось посредством экономических и административных мер. Их действия незамедлительно проявились на функционировании храмов. Расходы в церковных организациях в начале хрущевской церковной реформы стали превышать их доходы. Относительная стабильность в материальном положении церкви была разрушена.

В отличие от статей денежных поступлений православных организаций статьи, отражающие расход, по мнению уполномоченных Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР, являются более правдоподобными. Их бессмысленно было искажать. Они позволяют нам увидеть основные направления распределения финансовых средств, а увеличение того или иного денежного потока сигнализирует об активизации определенной деятельности церкви.

Статьи расходов денежных средств церквей были разнообразны. Среди них выделялись как постоянные, так и временные направления. К постоянным статьям можно отнести следующие: содержание служителей культа, хоров, обслуживающего персонала; хозяйственные расходы; приобретение предметов культа; уплата налогов; отчисления религиозным центрам, различным фондам; прочие расходы. Временные статьи — статьи, которые появились в отчетах только несколько раз.

Не будем останавливаться на каждой из расходной статьи, а обратим внимание на те, которые, по нашему мнению, заслуживают особый интерес. Итак, важно отметить денежные потоки, которые шли на выдачу заработной платы духовенству и певчим хоров церкви.

До 1962 г. служители культа получали заработную плату исходя из доходов, которые они имели от исполнения треб. Власти понимали, что такая система развивает активность духовенства, позволяет им задействовать в участии религиозных обрядов с каждым годом большее количество верующих. Снижение инициативы священно-

служителей они увидели в переводе их на твердый оклад. При осуществлении этого мероприятия председатель Совета по делам Русской православной церкви В. А. Куроедов рекомендовал проявлять необходимую гибкость. Не исключал он, что в ряде мест эта мера в силу определенных обстоятельств может не дать желаемого результата. Это касалось тех приходов, в которых доходы от треб были ничтожно малы, что перевод служителей культа на оклад будет нецелесообразным [1].

Перевод духовенства на оклад осуществлялся уполномоченными на местах в 1962 г. Следует отметить, что в ряде церквей Среднего Урала окладная система заработной платы уже существовала, например, в г. Свердловске с 1954 г. [2].

В среднем на протяжении рассматриваемого периода на содержание служителей культа тратилось 19 %—24 % средств от общего расхода храмов. С 1962 г. по 1964 г. эта цифра увеличилась. В городах она была больше, в сельской местности — значительно меньше.

Особое внимание всегда уделялось количеству лиц, задействованных в хоре. В отчетах уполномоченных Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР делался акцент на тех, кто являлся профессиональными певчими в театрах города. А таковые находились всегда. Значимость хора подчеркивает и тот факт, что епископы время от времени выражали беспокойство о сокращении хоровых групп. Это было обусловлено, по их мнению, тем, что старые певцы умирали, а молодежь не стремилась прийти им на смену. Выход был найден только один: им увеличивали заработную плату. Существуют сведения, что хористам в церкви платили больше, чем хористам в оперных театрах [3]. Еще в начале 1960-х гг. епископ Пермский и Соликамский Сергей сказал, что хор в храме это тот же хор в театре, если в театре музыка и певчие никудышные, то там также будет мало желающих его посещать [4]. Соответственно, чем большими денежными средствами располагал храм, тем больше они уходили на хор.

Экономическое давление на церковь в годы нахождения у власти Н. С. Хрущева сказалось и на участниках хора. В 1961 г. произошло ужесточение налоговой политики в отношении религиозных организаций. С этого времени певчие церковных хоров облагались подоходным налогом по ст. 19 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения». Результат не замедлил проявиться. Многие певчие ушли, оставив приходы без хора. Так, в церкви д. Заборной Пермской области пели 15—16 человек, после обложения налогом никого не осталось. Длительное время никто не пел, лишь потом вернулись восемь пожилых

певчих [5]. Не менее красноречива ситуация, которая сложилась в церквях г. Перми. До 1961 г. в хоровых группах из театра оперы и балета пели 5 человек. С 1961 г. ни одного певчего из театра не было [6].

Постепенно снижались и расходы церквей на их содержание. Так, в Пермской области в 1959 г., тратилось на хор 13 % от общего расхода [7], а в 1964 г. — 9 % [8].

С целью поддержания жизнеспособности церкви немаловажным являлся ремонт церковных зданий и строительство к ним новых сооружений. Эта статья расхода в религиозных организациях в рассматриваемый период появлялась не часто и суммы, числящиеся напротив этой графы, были незначительными.

К 1958 г. большинство церквей Свердловской области были хорошо отремонтированы: утеплены и электрифицированы, обновлены иконостасы и живопись [9]. С 1958 г. вопросы строительства и ремонта церковных зданий чаще всего не решались, т. к. со стороны местных органов власти практически во всех случаях следовали мотивированные отказы. Например, заявление на строительство крестилки в Георгиевской церкви с. Слобода Свердловской области было отклонено по причине отсутствия должных противопожарных условий [10].

Ремонт здания относится к одному из обязательств, вытекающих из типового договора о передаче в пользование православного прихода и «Положения об управлении РПЦ» (п. 41). Все вопросы, затрагиваемые ремонта церковного здания, не могли пройти мимо уполномоченного Совета по делам РПЦ и районного (городского) исполкома. Разрешение на осуществление капитального ремонта выдавалось только после согласия на то органов власти, признавших необходимость данного ремонта. Нелегче обстояло дело с проведением текущего ремонта.

На запланированные работы местная администрация требовала предоставление сметы. Таким образом, предполагалось избежать создания пышности и благолепия в храме. Ремонт, по их мнению, должен быть направлен на поддержание здания в технически исправном состоянии и не более того. В инструктивном письме № 56 уполномоченным констатировалось, что за последние годы (конец 1950-х гг.) при проведении ремонта допускались ненужные излишества [11]. Такие «излишества» имели место и в более поздний период.

Нередко уполномоченный Совета по делам РПЦ по Пермской области П. С. Горбунов докладывал в центральные органы о нарушениях. Особое его возмущение в 1960 г. вызвала деятельность

настоятеля церкви д. Заборная Краснокамского района Коряк. Священник без согласия горисполкома в церковном здании установил паровое отопление, сделал пристрой к жилому дому и гараж. По решению горисполкома гараж и пристрой были снесены [12].

Приобретение строительных материалов для ремонта также вызывало недовольство уполномоченного. Тщательно изучалось, у какого предприятия или частного лица, сколько и по какой цене было куплено [13]. Столь пристальное внимание связано с тем, что данные товары являлись дефицитными. Зачастую их сложно было найти в магазинах.

Возможности проведения ремонтных работ увеличивались к середине 1960-х гг. Об этом неоднократно докладывали уполномоченные в своих отчетах Совету по делам Русской православной церкви. Так, из года в год росли суммы, затраченные на ремонт молитвенных зданий. В 1965 г. удалось организовать ремонт в церквях гг. Свердловска и Красноуфимска [14].

Постоянным направлением расходования были отчисления в различные фонды. Среди них наибольшее внимание заслуживает с начала 1960-х гг. фонд мира. Фонд мира — советская общественная организация, которая видела своей целью предотвращение угрозы войны, укрепление мирного сотрудничества народов, поддержку их национального освобождения [15]. Как можно заметить, деятельность фонда мира не направлена на решение религиозных проблем или оказание какой-либо помощи православным храмам. Однако церковные приходы перечисляли часть своих средств в пользу данной организации с момента ее основания. По усредненным данным по Пермской области перечисления составляли от 12 % до 15 % от общего расхода РПЦ в данном регионе. Естественно, добивались высоких показателей пожертвований в фонд среди кафедральных соборов.

В числе обязательных платежей, которые церковь обязана выплачивать в пользу государства, нужно отметить следующие три вида налога:

- налог со строений составлял 1 % от суммы оценки здания;
- обязательное страхование молитвенных зданий;
- земельная рента взималась с квадратного метра занятой под строения площади (церковь, дровяник, сторожка). В случае, если имелась ограда, ограничивающая занимаемую площадь, то налог взимался со всего участка. Для городов первого разряда — 18 коп./кв. м., для городов второго разряда — 6 коп./кв. м., для сел и деревень — 4 коп./кв. м. [16].

Других видов налогов церковь не выплачивала.

При сопоставлении с другими статьями расходования денежных средств храмов отчисления по указанным налогам были незначительными.

Статья расхода денежных средств в отдельные годы указанного периода были достаточно велики, и доходы православных приходов с трудом могли их покрывать. Расходование жизненно важных для церкви финансов шло на добровольно-принудительной основе на направления, не имеющие ничего общего с функционированием храмов. Тяжелое время наступило с принятием административных и экономических мер государства в отношении церкви в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Однако церковь выдержала и нашла способы финансового и хозяйственного обеспечения своей деятельности.

Список литературы:

1. Гос. Арх. Пермского Края (ГАПК). Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 46. Лл. 13—14
2. ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 3. Д. 66. Л. 13
3. ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 31. Л. 13
4. ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 14. Л. 15
5. ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 11. Л. 13
6. ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 5. Л. 24
7. ГАПК. Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 41. Л. 15
8. ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 15. Л. 43
9. Центр Документации Обществ. Организ. Свердл. Обл. (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 58. Д. 112. Л. 222
10. Там же. Л. 203
11. ГАПК. Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 34. Л. 23
12. ГАПК. Ф. Р-1204. Оп. 2. Д. 10. Л. 14
13. ГАПК. Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 35. Л. 11
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 67. Д. 119. Л. 51
15. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 106. Д. 245. Л. 88
16. ГАПК. Ф. Р-1205. Оп. 2. Д. 2. Л. 178

РАЗВИТИЕ ЯРМАРОЧНЫХ ГОРОДОВ В РОССИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Мельникова Лариса Александровна

*канд. пед. наук, ст. научный сотрудник НИО УрЮИ МВД России,
г. Екатеринбург*

E-mail: larismelnikova@yandex.ru

Проблема сохранения культурного наследия городов России в настоящее время приобретает особое значение. Это связано с активностью различного рода строительных организаций, градостроительная деятельность которых приводит к изменению историко-культурного облика городов. Каждый город является уникальным в силу специфики своего исторического развития. Многие города, достигнув когда-то величия, утратили его в силу объективных причин, сохранив при этом свой архитектурно-пространственный облик. Мы полагаем, что особого внимания заслуживают так называемые ярмарочные города.

Ярмарки, как места периодических съездов торговцев и привоза товаров, главным образом для оптового торга, под настоящим названием известны в Западной Европе с X в. [2, с. 823].

Однако ярмарки существовали и раньше, так как их появление было вызвано, в первую очередь, необходимостью поиска безопасного и охраняемого места для обмена. Идеальным местом для функционирования ярмарки был город. Однако многие города вообще никогда не были ярмарками, в силу объективных причин, или город не допускал устройство ярмарки в своих стенах, удерживая ее на расстоянии. Но если ярмарка проникала в город, то она сама становилась городом и даже больше чем городом. Она целиком подчиняла себе город, и город переставал быть самим собой [1, с. 69].

Следует отметить, что существовали города, которые не были полностью охвачены ярмаркой. Такие города имели собственное купечество, иногда немногочисленное, но активно участвующее в ярмарочной торговле. Ярмарки, проводимые в этих городах, могли иметь международный характер. Однако их проведение контролировалось местным купечеством в целях устранения конкуренции со стороны иностранных торговцев. В Западной Европе такими городами были Генуя, Венеция, Любек, Гамбург, Аугсбург, Нюрнберг, Марсель, Монпелье и др.

Вместе с тем существовали крупные международные ярмарки, которые захватывали весь город, оказывая влияние как на его

архитектурно-пространственный облик, так и на жизнедеятельность горожан. Это были ярмарочные города в чистом виде. В них отсутствовало местное купечество, а жители этих городов ограничивались вспомогательной ролью в области торговли, выступая в качестве маклеров, экспедиторов, грузчиков, иногда менял. В Западной Европе такими городами были Брюгге, Франкфурт на Майне, Женева, Цурцахе, Лион, Лейпциг, Антверпен, города Шампани.

Ярмарочная торговля в России получила наибольшее развитие в XIX в., в связи с увеличением мелких, преимущественно сельскохозяйственных ярмарок, носивших региональный характер. Поэтому для России в этот период характерно большое количество городов, в которых проводились ярмарки, в основном местного значения. Международный характер носили лишь две ярмарки: Нижегородская, которая являлась посредником в европейско-азиатской торговле и Ирбитская, связывающая Сибирь и центральные районы.

Следует отметить, что для ярмарочных городов России характерно активное участие в ярмарочной торговле местного купечества. Это связано с тем, что значительную роль в организации ярмарки играла центральная или местная власть, получая значительные доходы от ее проведения. Для местного купечества участие в ярмарочной торговле также было выгодно. В связи с этим в России не было ярмарочных городов в чистом виде, подобно крупным международным центрам Западной Европы. Тем не менее, ярмарка оказывала значительное влияние на формирование историко-культурного облика города.

Для возникновения ярмарочного города необходимо было наличие следующих факторов: 1. Выгодное для организации ярмарки географическое положение; 2. Покровительство ярмарке со стороны сеньориальной, церковной или городской власти; 3. Активное участие в организации и деятельности ярмарки самих горожан.

В России регулярные ярмарки появились в XII в. В середине XIX в. количество ярмарок превышало 4 тыс. К 1904 г. в России насчитывалось около 16,5 тыс. ярмарок.

В 1913 году крупнейшими ярмарками в России были Маргаритинская (Архангельск), Весенняя Ханская (Астрахань), Николаевская (Баку), Георгиевская (Вильна), Крещенская (Вологда), Житомирская (Житомир), Ильинская (Томлевский монастырь), Алексеевская (Вятка), Покровская (Донская область), Рождество-Богородицкая (Ростов-на-Дону), Рождественская (Красноярск), Весенняя биржа Булака (Казань), Козьмодемьянская лесная (Козьмодемьянск), Контрактовая (Киев), Макарьевская лесная

(Макарьев), Девятая (Кострома), Крестовоздвиженская (Кинешма), Ивановская (Рига), Рождественская (Рига), Перновская (Пернов), Январская (Юрьев), Минская лесная (Минск), Гомельская лесная (Гомель), Нижегородская (Нижний Новгород), Покровская (Вытегра), Меновая (Троицк), Ирбитская (Ирбит), Ильинская (Полтава), Маслянская (Ромны), Вознесенская (Ромны), Сретенская (Кременчуг), Покровская (Новоузенск), Успенская (Новая Ладога), Никольская (Смоленск), Покровская (Георгиевск), Ильинская (Тюмень), Зимне-Никольская (Ишим), Георгиевская (Богородицк), Мензелинская (Мензелинск), Крещенская (Харьков), Ярославских Чудотворцев (Ярославль), Темирская весенняя (Темир), Актюбинская (Актюбинск), Тургайская (Тургай), Петровская (Петропавловск), Никольская (Зайсан), Константиновская (Акмолинск), Введенская (Омск), Екатеринбургская (Усть-Каменогорск) и др. [6, с. 51—60].

Самой крупной ярмаркой была Нижегородская, которая возникла в 1627 г. у стен Макарьев-Желтоводского монастыря. Макарьев монастырь активно посещался паломниками, особенно в день преподобного Макария (25 июля). Вскоре это место стало привлекательным не только для паломников, но и для купцов. Здесь стали появляться не только российские купцы (московские, ярославские), но также купцы из Средней Азии, Персии и Закавказья (армяне, бухарцы и др.). Ярмарка находилась под покровительством монастырских властей, которые разбирали конфликты между купцами и следили за порядком.

Во второй половине XVIII — начале XIX вв. Макарьевская ярмарка была самой крупной ярмаркой в России. Она проходила с 10 июля до середины августа. Многие региональные ярмарки в июне заканчивали торговлю, чтоб успеть на Макарьевскую ярмарку. Кроме русских купцов ярмарку посещали польские, греческие и армянские купцы.

Однако с ростом ярмарки места для торгова оставалось все меньше и меньше. Это было связано с тем, что берег, на котором располагалась ярмарка, все время затапливало. Не было места для строительства новых помещений для складов. Поэтому вопрос о переносе ярмарки неоднократно возникал в правительственных кругах.

В 1816 г. после пожара, который уничтожил ярмарочный комплекс, Макарьевская ярмарка была перенесена к Нижнему Новгороду, где просуществовала до 1918 г. Следует отметить, что Макарьевская ярмарка проходила не в самом городе, а в его окрестностях. Однако жизнь Нижнего Новгорода с возникновением ярмарки стала полностью зависеть от нее.

Как и другие ярмарочные города, Нижний Новгород имел удобное для осуществления торговли географическое положение.

«Сама природа указала Нижнему Новгороду быть одним из важнейших городов мира, — писал в своё время П. И. Мельников-Печерский. — Географическое положение его чрезвычайно выгодно. Можно сказать, что во всей внутренней России нет другого пункта, кроме Нижнего Новгорода, который был бы так удобен для отправления обширной торговли» [9].

Нижегородская ярмарка поражала иностранцев своими масштабами. В 1839 г. Маркиз де Кюстин, посетивший Нижегородскую ярмарку, называл ее городом, отмечая, что только стечение обстоятельств, характерное для данной местности, и России в целом, могло привести к возникновению данного явления. Он называл Нижегородскую ярмарку величайшей ярмаркой на земном шаре [7].

Второе место по торговым оборотам в XIX в. занимала Ирбитская ярмарка. Основание Ирбита относится к 1631—1632 гг., когда близ устья Ирбея было положено начало Ирбитской слободе. Ярмарка в Ирбите была учреждена в 1643 г. и сразу стала привлекательной как для русских торговцев, так и для татар, калмыков, бухарцев, а позднее китайцев, персов, немцев, французов, англичан и др.

Ярмарочный город Ирбит имел выгодное для широкой торговли географическое положение. Ирбит находился в 1674 верстах от Барнаула, в 1700 верстах от Бийска и 2200 верстах от Чуи, в стороне от ведущего сухопутного тракта — Московского и судоходных рек. Доставка товаров осуществлялась водно-сухопутным (летом) или санным путем (в зимнее время). В случае сухопутной доставки товар шел с Алтая через Бийск, Барнаул, Сузун до Московского тракта, по нему до Тюмени и от Тюмени по тракту Тюмень-Ирбит, находясь в пути от 30 до 40 суток [5].

Ирбитская ярмарка длилась один месяц с 1 февраля по 1 марта. На ярмарку съезжались купцы со всей страны и других государств, а население ярмарочного города увеличивалось почти в 15 раз.

Писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк в романе «Приваловские миллионы» писал об Ирбите: «Ирбит — большое село в обыкновенное время — теперь превратился в какой-то лагерь, в котором сходились представители всевозможных государств, народностей, языков и вероисповеданий. Это было настоящее ярмарочное море, в котором тонул всякий, кто попадал сюда. Жажда наживы согнала людей со всех сторон, и эта разноязычная и разноплеменная толпа отлично умела понять взаимные интересы, нужды и потребности. На площади и по улицам от возов с товарами, купеческих фур и мелких лавчонок не было свободного местечка...» [8].

Также как и в Западной Европе, проведение ярмарки в России приурочивалось к религиозным праздникам, получая соответствующее название. В 1797 г. большой известностью пользовалась Троицкая ярмарка в Ставрополье, проводимая в дни празднования Святой Троицы. В 1854 г. на эту ярмарку кроме торговцев, стекался весь народ Ставропольской губернии и отчасти с Кавказа. Еще до открытия ярмарки здесь появлялись шатры цыган, затем гуртовщики со скотом, русские промышленники, ногайцы, горцы с лесом из-за Кубани. Вскоре на ярмарке стали появляться кочующие народы, исповедующие ислам, которые стремились не только сбыть свой товар, но и принять участие в скачках, ставшие неотъемлемым атрибутом ярмарки с 1850 г. по распоряжению Кавказского Наместника. Хозяин лошади, выигравшей на скачках, получал серебряную вазу стоимостью в 500 руб., а за второе место присуждался приз в 150 руб. [3].

В XIX в. проводились три ежегодные ярмарки в Кунгуре: Богоявленская, Пятницкая и Мининская на основании указа Пермского губернского правления. Город Кунгур был основан в 1663 г. В XVII в. он успешно развивался как торговый город, а в XVIII в. здесь стали проводиться торжки и ярмарки [4, с. 177].

Перед началом ярмарки в местном храме служили молебен, на котором присутствовали представители местной власти. По окончании совершался крестный ход из церкви на ярмарочную площадь, на которой совершался еще один молебен. И только после этого начиналась торговля. В Кунгуре перед открытием ярмарки поднимали окропленный святой водой белый флаг [4, с. 178].

Следует отметить, что посещение ярмарки сочеталось не только с куплей-продажей, но и с паломничеством. Народ, стекающийся на богомолье, одновременно стремился продать излишки продукции, что могло послужить началом ярмарочной торговли. Впоследствии место благоустраивалось церковной или местной административной властью.

В организации ярмарки участвовала центральная или местная власть, так как ярмарочная торговля приносила значительные доходы в казну. Открытие ярмарок в губерниях и уездах осуществлялось с разрешения Министерства внутренних дел и финансов, а сельских торгов с разрешения уездных и губернских земских управ. Кроме того многие земства контролировали цены на ярмарке, предупреждая их неоправданное повышение.

Купечество платило в городскую казну значительные финансовые средства за лавки, навесы, склады, погребя и развлекательные заведения.

Ярмарка была выгодна не только власти и купечеству, но и жителям ярмарочных городов. Местные жители могли беспопытно организовывать постоянные дворы и гостиницы в своих домах.

Список литературы:

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. — М., 1988. — 632 с.
2. Вечканова Г. С., Вечканова Г. Р. Современная экономическая энциклопедия. — СПб.: Лань, 2002. — 880 с.
3. Все дороги ведут на ярмарку. Историческая справка о Троицкой ярмарке [электронный ресурс] — Режим доступа. — <http://troickinfo.narod.ru/history/fair2.htm>.
4. Долгорукова Л. В. Ярмарки — это целый мир (из истории Кунгурской ярмарки) // Архивы Урала. — 2006. — № 9—10. — С. 177—191.
5. История Ярмарки [электронный ресурс] — Режим доступа. — http://yarmarka.irbit-media.ru/istoriya_yarmarki.htmlсайт
6. Канделаки И. Роль ярмарки в русской торговле — СПб., 1914. — 60 с.
7. Маркиз де Кюстин о Нижегородской ярмарке (1839 г.) [электронный ресурс] — Режим доступа. — <http://www.history.ru/content/view/1197/87/>
8. Наш Урал [электронный ресурс] — Режим доступа. — http://www.nashural.ru/Goroda_i_sela/irbit.htm.Мультимеди
9. Опустевший карман России [электронный ресурс] — Режим доступа. — <https://www.livejournal.com/create.bml>.

УРОВЕНЬ БЛАГОСОСТОЯНИЯ РОССИЙСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Немчанинова Евгения Николаевна

аспирант, Вятский государственный университет, г. Киров

E-mail: evgeniya_nem@mail.ru

В рамках исследования социокультурных характеристик дореволюционного российского чиновничества важное место занимает вопрос об уровне его материального обеспечения. Особенно актуальным на современном этапе представляется обращение к исследованию социальных характеристик представителей российского губернаторского корпуса в связи с возвращением института губернаторства в современную систему государственного управления. Исследование материального положения губернаторов XIX — начала XX вв. позволяет добавить значимые штрихи к образу «начальников губернии», выяснить могло ли губернаторское жалование являться мотивом для стремления чиновников к получению этой должности.

Целью настоящей статьи является исследование обозначенной проблемы на материалах Вятской губернии, в которой за период с 1796 по 1917 гг. сменилось 32 «начальника губернии».

Двумя основными официальными источниками доходов для российских губернаторов дореволюционной эпохи являлись губернаторское жалование и доходы от имений (которые в формулярных списках делились на два типа — «родовые» и «благоприобретенные»).

Большая часть «начальников» Вятской губернии были выходцами из дворянского сословия, соответственно, многие из них владели землями и крестьянами. Однако объемы губернаторских состояний серьезно варьировались. По данным Л. В. Мерзляковой, из вятских губернаторов первой половины XIX века к числу крупнопоместных дворян можно отнести лишь А. Н. Мордвинова, имевшего 1000 крепостных душ в Псковской губернии [13, с. 73]. Среди губернаторов второй половины XIX века имениями площадью более 1000 десятин владели 4 губернатора [18, с. 117].

Некоторые представители губернаторского корпуса вообще не обладали имениями, или их состояние было незначительным. Так, у П. С. Рунича не было имения вообще, в распоряжении А. С. Латышева было 5 дворовых людей, у П. М. Добринского — 436 крестьянских душ в двух губерниях, у Н. Н. Семенова — 304 души

(также в двух губерниях), у А. И. Середы — 100 душ [2, л. 110 об.; 1, л. 305 об.; 4, л. 206 об.; 3, л. 99 об.]. В роду 11-го вятского губернатора Александра Алексеевича Корнилова считалось, что «деньги — не корниловский элемент» [12, с. 19, 23], а имение Корниловых насчитывало 30 крестьянских душ. Весьма состоятельным человеком, по воспоминаниям современников, слыл двадцатый вятский губернатор Валерий Иванович Чарыков. Мемуарист А. А. Прозоров писал, что «Чарыков был очень богатый человек, помещик из одной центральной губернии» [15, с. 13]. Помимо имения, В. И. Чарыков владел двумя деревянными домами в Самаре [18, с. 117].

Имение было хорошим подспорьем для чиновников, так как губернаторского оклада часто было недостаточно для того, чтобы прокормить большую семью. Об этом может свидетельствовать пример четвертого вятского губернатора Павла Степановича Рунича. В 1804 году П. С. Рунич обращается в Министерство внутренних дел с просьбой уволить его от должности, объясняя причину следующим: «... не имея никакого имения, ни доходов, кроме жалования... не могу содержать себя с моим семейством в звании губернаторском, не входя время от времени в большие долги... в таком расстроенном состоянии я никак не в силах нести тягостей, с губернаторским званием сопряженных» [17, с. 54—55].

По штатам 1800 года губернаторский оклад составлял 3000 рублей в год (1800 рублей из них — жалования и 1200 р. — столовых) [14, с. 126].

К середине XIX века эта сумма незначительно возрастает — до 3432 рублей (1716 рублей жалованья и столько же столовых) [4, л. 206 об.].

Однако при отсутствии других источников дохода некоторым губернаторам приходилось довольствоваться обозначенными суммами. М. К. Клингенберг, занимавший пост губернатора Вятской губернии в 1859—1863 гг., писал об этом: «Если бы не крайность, если бы не голодная смерть без службы, бросил бы ее к чорту» [18, с. 117]. Согласно формулярному списку М. К. Клингенберга, у губернатора не было ни крестьян, ни земли, ни недвижимости, как и у его сына, Николая Михайловича, ставшего вятским губернатором в 1896 году [5, л. 1об.; 7, л. 3об].

К началу XX века сумма доходов от губернаторской деятельности достигает 10000 рублей в год (5000 рублей из них приходилось на жалованье и столько же на столовые деньги). Однако по-прежнему для части губернаторов получаемая сумма являлась единственным источником доходов. Так, среди вятских губернаторов начала XX века И. М. Страховский и А. Г. Чернявский не владели ни

имениями, ни другой недвижимостью [11, л. 31об.; 10, л. 45об.]. В то время как, например, у Н. А. Руднева было имение в Тульской области и дом в г. Новосиле, а у П. К. Камышанского — 2 дома в г. Каменец-Подольске [9, л. 8об.; 8, л. 1об.].

Известны случаи, когда Министерство внутренних дел способствовало укреплению материального благосостояния губернаторов сверх ежемесячных государственных обязательств. Так, в истории вятского губернаторства были случаи пожалования земли «начальникам губерний». Например, в 1814 году 3000 десятин из свободных в Вятской губернии земель было пожаловано Ф. И. фон-Брадке «за долговременное и беспорочное служение и в уважение недостаточного состояния» [6, л. 613об.]. А. Н. Мордвинову было пожаловано 2000 десятин земли «за отличные действия и соблюдение пользы казны» [13, с. 73].

Помимо земель губернаторы награждались и прибавочным жалованием. Так, Акиму Ивановичу Середе в 1844 году было назначено «прибавочных к полученному жалованию по должности гражданского губернатора по 2000 рублей серебром в год» [3, л. 114об.]. Прибавочное жалованье в таком же размере было определено и Н. В. Компанейщикову при его назначении исправляющим должность вятского губернатора: «пока он будет занимать губернаторскую должность, прибавочного жалованья по две тысячи рублей в год и выдать ему из той же суммы две тысячи рублей на подъем» [16, с. 5—5 об.].

Проведенное исследование вопроса об уровне благосостояния российских губернаторов XIX — начала XX вв. позволяет сделать некоторые выводы. Материальное положение губернаторов зависело не только от получаемого жалования, но и от обладания недвижимой собственностью (большинство представителей губернаторского корпуса принадлежали к дворянскому сословию). Однако собственность была далеко не у всех «начальников губернии», что иллюстрируется примерами из истории вятского губернаторства. В этих случаях жалование являлось единственным источником губернаторского дохода. Размер оклада, получаемого губернаторами от государства, в течение рассматриваемого периода (XIX — начала XX вв.) увеличился втрое, однако, фиксируя данную тенденцию, нельзя забывать и о параллельном росте цен.

В сравнении с жалованием провинциального чиновничества заработная плата губернатора была достаточно большой (по данным Л. Ф. Писарьковой, губернаторский оклад в 30 раз превышал жалованье канцелярского служителя), однако она не позволяла в полной мере «нести тяготы, сопряженные с губернаторским званием»

(по-видимому, П. С. Рунич имел в виду так называемые «представительские расходы», являющиеся неотъемлемой частью губернаторской работы). В сравнении же с жалованием чиновников центральных ведомств заработная плата «начальников губерний» была совсем невелика, что наряду с другими мотивами подогревало желание государственных служащих перевестись в столицу.

В связи с этим желание получать губернаторское жалование вряд ли могло являться мотивом для обретения должности «начальника губернии». Возможность получить очередной классный чин, а вместе с ним и желанное место в столице, являлось, по всей видимости, более значимым стимулом.

Список литературы:

1. Государственный архив Кировской области (далее — ГАКО). Ф. 582. Оп. 1. Д. 78.
2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 2 «к». Д. 132.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 18«б». Д. 4.
4. ГАКО. Ф. 582. Оп. 19«а». Д. 2.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 24«б». Д. 79.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 45. Д. 10.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 200.
8. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 868.
9. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 951.
10. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 956.
11. ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 962.
12. Кошелев Я. П. Вятский губернатор А. А. Корнилов // Россия и Вятский край в исторической ретроспективе: сборник научных трудов / Отв. ред. М. С. Судовиков. — Киров, 2005. — С. 19—24.
13. Мерзлякова Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX в.: Опыт социально-политической характеристики: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. — Ижевск, 1997. — 227 с.
14. Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX вв. // Человек. — 1995. — № 3. — С. 121—139.
15. Прозоров А. А. Город Вятка и его обыватели: мемуары / Под ред. М. С. Судовикова, Е. И. Пакиной. — Киров, 2010. — 151 с.
16. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 797.
17. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 256.
18. Трушков С. А. Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX — начала XX в. — Киров, 2003. — 171 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО АППАРАТА СНХ 1957—1965 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Павлюкевич Руслан Витальевич

*аспирант кафедры истории и политологии КрасГАУ, г. Красноярск
E-mail: autocrator@yandex.ru*

Кадровая политика Советского государства всегда привлекала внимание, как историков, так и публицистов. В советское время этому вопросу уделялось повышенное внимание, но приоритет отдавался изучению его партийного аспекта. Одной из наиболее слабоизученных сторон этого вопроса является кадровая политика Совета Народного Хозяйства Красноярского экономического района. Это связано с тем, что в период правления Н. С. Хрущева она еще не вышла из сферы публицистики, а после в связи с политической конъюнктурой истории почти не обращались к данному вопросу.

Советское государство очень серьезно подходило к вопросам подбора, подготовки и расстановки партийных и хозяйственных кадров на местах. В период правления И. В. Сталина была сформирована достаточно устойчивая модель управления хозяйством. После прихода к власти Н. С. Хрущева, в связи с развенчанием культа личности Сталина, и реформой управления промышленностью, сталинская модель уже не могла более функционировать без изменений.

Задуманная, правительством страны под руководством Н. С. Хрущева, реформа управления предполагала изменение самого принципа хозяйствования. В феврале 1957 г., выступая на сессии Верховного Совета СССР, первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев говорил об основных проблемах народного хозяйства страны. При этом отмечал, что эти проблемы можно решить только путем перехода от управления народным хозяйством посредством отраслевых министерств и ведомств к управлению, построенному по территориальному принципу [3, с. 3]. Экономические и социальные проблемы должны были решаться там, где живут и работают люди, считал советский лидер. Это в свою очередь предполагало корректировку подхода к кадровой политике, которая должна была перейти на новый уровень в соответствии с новой системой управления.

Страна располагала огромным количеством высококвалифицированных специалистов. Однако из-за чрезвычайной централизованности системы управления хозяйством, значительная часть инженерно-технического персонала была занята в министерствах и ведомствах. Предстоящая реформа была нацелена на перераспределение специалистов в сферу непосредственного производства [3, с. 2].

Красноярский, Иркутский, Уральский и Дальневосточный совнархозы отличались тем что, программа экономического развития страны предполагала сделать их новыми локомотивами развития промышленности СССР. Перспективным планом развития 1959—1965 гг. предполагалась обширная программа строительства и развития. На плечи Красноярского совета ложилась сложнейшая задача по реализации Ангаро-Енисейского проекта. В итоге край должен был перейти на совершенно иной уровень развития. Но для этого требовались высококлассные кадры. Ими следовало обеспечить не только сам аппарат Красноярского СНХ, действующие и строящиеся предприятия.

Распоряжением Совмина СССР численность персонала Красноярского СНХ определялась в 750 штатных единиц [7 л. 54], но лишь половина на первом этапе была укомплектована работниками. В первую очередь акцент был сделан на формирование кадрового корпуса руководителей СНХ. Судя по делам отдела кадров СНХ, оно шло в основном за счет привлечения присланных из центра и местных специалистов. Во главе совнархозов ставили, как правило, наиболее опытных руководителей. Из 70 председателей совнархозов РСФСР бывшие министры составляли 20 %, а специалисты из местных работников составили лишь 18,6 %. Так, например, глава Красноярского СНХ Ломако П. Ф. ранее возглавлял министерство цветных металлов и золота. Судя по его переписке с Совмином, он смог быстро и эффективно взять в свои руки контроль над экономикой Красноярского края. Помимо Ломако П. Ф., все четыре его заместителя были направлены в Красноярский СНХ по решению Совета Министров СССР, либо из центральных органов, либо из других регионов страны. Так в частности, Бизяев А. Д., как и Ломако П. Ф. работал ранее в министерстве цветной металлургии. Все они являлись специалистами в сфере базовой специализации региона.

В составе совета были необходимы и местные кадры, которые бы, не только знали свой регион и его возможности, но и имели связи с местным промышленным и партийным руководством. Особенно в них нуждались такие приоритетные отрасли народного хозяйства Красноярского экономического района: энергетическое, металлургическое, лесное, химическое и т. д. В связи с этим, на третьем заседании совета 3 июля 1957 г., на котором были утверждены начальники управлений и основные должностные лица, было отдано распоряжение партийным, хозяйственным органам и научным организациям о направлении на постоянную работу в СНХ 140 человек, что бы решить проблему укомплектованности. Помимо сотрудников ранее работавших на предприятиях региона в состав совета вошли опытные специалисты из расформированных организаций Енисейстроя и Норильлага.

К подбору местных специалистов для совета предъявлялись очень высокие требования. Нам не удалось обнаружить какого-либо документа содержавшего их, но анализ массива архивных данных дает возможность выявить несколько основных требований. Так одним из важнейших требований для назначения в СНХ было наличие высшего или среднего образования. Динамика, изменения уровня образования руководителей отделов и управлений красноярского СНХ представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Уровень образования начальников отделов и управлений СНХ

	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Высшее	9	10	16	14	19	21
Высшее техническое	8	7	16	10	14	15
Незаконченное высшее	6	1	1	2	1	1
среднее	2	8	1	1	2	2
Среднее техническое		3	1	1	2	2
Окончил среднюю школу	5	7	4	8	9	8

Большинство из руководителей совета имело техническое либо экономическое образование. Практически все работники СНХ были хозяйственниками, а не выпускниками партийных школ, что подчеркивало функциональное назначение данного органа.

Подобная тенденция наблюдалась и среди ответственных работников совета, к которым относились заместители руководителей, инженеры и специалисты отделов и управлений СНХ. Так высшим образованием в рассматриваемый период обладало примерно 45 %, причем непосредственно техническим 75 %. Среднее образование имело в 1959 г. — 38 %, а в 1964 г. Уже — 27 % [4]. Более подробная картина наглядно показана в таблице 2.

Таблица 2.

Уровень образования ответственных работников отделов и управлений СНХ

	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Высшее	258	293	332	231	315	319
Высшее техническое	198	237	269	169	234	241
Имеет незаконченное высшее	10	19	31	30	32	28
среднее	218	171	150	141	177	196
Среднее техническое	96	86	97	99	123	138
Окончили среднюю школу или не имеют среднего образования	159	167	184	139	180	176

Не менее показательна статистика по директорам предприятий Красноярского СНХ. В начале 60 гг. из 325 директоров высшим образованием обладало 120 человек, средним 94, что составляло 36% и 28 % соответственно [4]. Наибольшие требования предъявлялись к руководителям предприятий химического, машиностроительного управления, а также цветной и черной металлургии, меньший уровень требований применялся к руководителям пищевой и легкой промышленности. Как мы можем видеть в целом, руководство СНХ стремилось укомплектовать совет высококвалифицированными кадрами, способными решать поставленные экономические задачи.

Другим важным требованием к сотрудникам был их опыт практической работы. Большинство из высших должностей занимали люди опытные, работавшие прежде на руководящих постах, причем по схожей специализации. Отдавалось явное предпочтение специалистам знакомым в первую очередь с цветной и черной металлургией. Все три председателя Красноярского СНХ ранее работали на предприятиях цветной металлургии. Так, последний глава совета Ксинтарис, закончивший московский институт Госплана СССР попал в край по распределению в Норильск в 1940 г. Здесь он прошел путь от начальника отдела Дудинского порта до заместителя директора норильского горнометаллургического комбината.

Среди директоров предприятий красноярского экономического района преобладали руководители со стажем от года до трех лет (36 %) это можно объяснить и тем, что в годы СНХ происходила постоянная реорганизация старых предприятий и организация новых [4].

Помимо образования и профессионализма, немаловажным был и возраст работников. Судя по данным отдела кадров совета, в возрастном отношении для начальников управлений и отделов СНХ отдавалось предпочтение людям зрелым и опытным, но при этом энергичным. Информация о возрастных данных начальников управлений и отделов СНХ показана в таблице 3.

Таблица 3.

Возраст начальников отделов и управлений СНХ

	1960	1961	1962	1963	1964
До 30		1		1	2
31-40	3		3	3	5
41-50	15	15	10	9	7
51-55	3	5	8	10	9
55-60	1	2	3	7	9
Старше 60			1	1	

Среди ответственных работников средний возраст составлял 31—40 лет (1960 г. — 38,6 % и 1964 г. — 32,8 %). Для директоров предприятий также средний возраст был характерен 41—50 лет [4].

Традиционно считается, что главным требованием для работников руководящих органов в советское время являлось членство в партии. Анализ документов Совета позволяет предположить, что это не было приоритетным в период формирования совета. Наибольший процент членов КПСС наблюдался среди начальников отраслевых управлений и функциональных отделений. Так, например в 1960 г. из 22 человек — 19 были членами партии, причем большинство из них вступило в КПСС в годы Великой Отечественной войны (31 %), что очень характерно, так как это были кадры воспитанные сталинской системой управления.

Абсолютно иная ситуация складывалась среди ответственных работников СНХ. Среди них доля беспартийных даже превышала количество членов КПСС. Так в 1959 г. в партии состояло лишь 35,4 %, а беспартийными было 64,6 %, то есть практически в два раза больше. В 1964 г. пропорции практически не изменились, членами КПСС являлось 36,8 %, а беспартийными 63,2 %. Все это говорит о том, что для руководства СНХ приоритетным были деловые качества сотрудников, а не их партийная принадлежность.

Таблица 4.

**Членство в КПСС ответственных работников отделов
и управлений СНХ**

	1959	1960	1961	1962	1963	1964
В партии	216	227	270	217	286	296
Беспартийные	365	409	443	345	448	462
Кандидаты	3	3	6	4	2	2

К 1959 г. аппарат СНХ уже был практически полностью сформирован. В него входило 16 начальников управлений и отделов и 617 ответственных работников, соответствовавших основным требованиям новой кадровой политики.

Подводя итоги необходимо отметить, что основным принципом кадровой политики СНХ было обеспечение его максимальной работоспособности. Требования, которые предъявлялись к работникам СНХ, имеют отличия от традиционных представлений о кадровой политике советской эпохи. Главным требованием, в рассматриваемый период, была не столько партийность, сколько наличие образования, стажа, профессионализма, и предприимчивости. Это позволяет сделать

вывод о достаточно высоком уровне работы кадровой политики СНХ. Это позволило обеспечить быстрое развитие производительных сил региона. Здесь были построены в этот период Красноярская ГЭС, Красноярский алюминиевый завод, Ачинский глиноземный комбинат, Завод Медпрепаратов, расширенны Норильский горно-металлургический комбинат, Сорский молибденовый комбинат и многое другое. Но при этом нельзя не отметить, что в работе СНХ наличествовали отрицательные моменты, связанные многочисленными факторами. Такими как сложность работы новой системы управления экономикой, недостаточным уровнем научного обоснования принимаемых решений, временным характером ответственности некоторых командированных специалистов за порученное дело и другими. Опыт кадровой политики Красноярского СНХ, на наш взгляд, может быть полезен и современным управленческим структурам.

Список литературы:

1. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957—1965 гг. в контексте специфики отечественной истории- М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. —295 с.
2. Материалы Красноярского совета народного хозяйства 1957—1965 гг//ГАКК Ф. 1408.
3. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством :Постановление Пленума ЦК КПСС по докладу тов. Хрущева Н. С., принятое 14 февраля 1957 года. — М.: Госполитиздат, 1957.
4. Отчеты в совмин СССР отдела кадров Красноярского совета народного хозяйства за1957—1965 гг./ГАКК Ф. 1408. Оп. 12 Д. 1
5. Протоколы заседаний Красноярского совета народного хозяйства 1—19 1957 г./ГАКК Ф.1408 Оп. 1. Д. 4
6. Протоколы заседаний Красноярского совета народного хозяйства 20—34 1957 г./ГАКК Ф.1408 Оп. 1. Д. 5
7. Распоряжения Красноярского совета народного хозяйства// ГАКК Ф.1408. Оп. 1. Д. 3

ПОНЯТИЕ «ОТЕЧЕСТВО» В ЭПОХУ ДЕКАБРИСТОВ

Травникова Елизавета Григорьевна

*аспирант, Академия переподготовки работников искусства,
культуры и туризма, г. Москва
E-mail: grass31@mail.ru*

В культуре каждого общества существуют свои краеугольные понятия, по которым создаётся собственный портрет общества, к таким понятиям относится и *Отечество*. Смысловое наполнение этого феномена происходило на протяжении нескольких веков, от момента его формирования в русском языке до к. XIX в. Сегодня мы пользуемся тем смыслом, который был вложен в это понятие в позапрошлом веке, лёгкие коррективы в него вносит лишь время. И. Н. Данилевский писал: «Окончательное представление об *Отечестве* закрепится в годы Смуты, когда исчезнет не только Золотая Орда, но и большинство её «осколков», а русские земли объединятся в Российское государство. Слово же *Родина* (в значении «*родная страна*») первым начнёт употреблять Г. Р. Державин лишь в конце XVIII столетия» [2, с. 203].

Наиболее яркое проявление феномена *Отечество* происходит в те исторические моменты, когда народу угрожает полное исчезновение национально-политической самостоятельности. За период XVII — первой трети XIX вв. таких исторических моментов было предостаточно. Отечественная война 1812 г. сыграла важную роль в формировании понятия, наполнении его безусловным возвышенным смыслом и религиозной окраской. События войны с Наполеоном явили единение не только дворянского общества, но и прочих слоёв русского государства. Священная, возвышенная трактовка *Отечества*, находящегося под покровительством и защитой Бога, и постоянное упование на него, в воспоминаниях и письмах того времени неразрывно связана с правящим императором и его фамилией. В первом десятилетии XIX в. власть Александра оценивалась не просто высоко, но как благо, именно поэтому само существование без императорской власти не рассматривалось. Более того, его восшествие на престол в обществе было встречено ликованием и надеждами на новые либеральные реформы, которые смыли бы собой негативные воспоминания о коротком правлении Павла I. С. П. Трубецкой писал: «Россия гордилась им и ожидала от него новой для себя судьбы» [6, с. 26].

Послевоенные ожидания, нашли своё воплощение в желании соучастия наилучшему устройству *Отечества*. «Некоторые молодые люди, бывшие за отечество и царя своего на поле чести, хотели быть

верной дружиной вождя своего и на поприще мира» [6, с. 27]. Те перемены, которые планировались внутри дворянских тайных обществ во многом шли в разрез с послевоенными настроениями императора. Победоносное шествие русских войск по Европе, первоначальное радушие, которое им оказывалось, увлекли Александра I идеей собственного величия и, по сути, лишили Отечество императора. События же Отечественной войны 1812 г. и заграничные походы подготовили и почву для изменения сознания дворянского общества. Ю. М. Лотман писал: «Война 1812 года дала целому поколению русской дворянской молодёжи тот жизненный опыт, который привёл мечтательных патриотов начала XIX века на Сенатскую площадь» [3, с. 314].

А ведь стремление молодых дворян было всего лишь реакций на более ранние декламации императора, чьё имя было таким же штандартом, который несли русские войска на полях Отечественной войны, наряду с именами Бога и Отечества. Так, в манифесте от 30 августа 1814 г. император декламировал свои намерения по завершении дел в Европе заняться внутренним устройством Отечества: «ныне хотя постановление и устранение дел в Европе для общего для всех народов успокоения и требует отбытия Нашего из России, но сие отбытие, уповаем на милость Божескую, будет уже не долговременное, и с полным окончанием внешних дел, возвратит Нас к беспрепятственному попечению о внутреннем Государства Нашего благе» [4, с. 906]. Те смелые проекты, которые разрабатывались правительством, в том числе и по крестьянскому вопросу, не только не осуществились, сами идеи были отвергнуты и признаны антигосударственными для Российской империи. Наступившее разочарование было окончательным, дело не в том, что персона императора оказалась угрозой для Отечества, как это было с Павлом I, а в том, что угрозой благополучия уже рассматривалась сама система самодержавия.

Если восшествие Александра на Российский престол встречено было ликованием и опять же надеждами, которые подавал молодой император, то всё изменилось в конце его царствования: «встреченный на престоле со всеобщим вожделением, с единодушною, искреннею беспримерною радостью, сопровожден во гроб едва ли не всеобщим равнодушием» [8, с. 240].

Собственно ситуация разрыва государственной, вековой традиции понимания *Отечества* и общественной, дворянской складывалась достаточно длительное время. На протяжении, которого дворянство придерживалось традиционной трактовки *Отечества*, как квинтэссенции верховной государственной власти, во главе с императором, православной веры и определения собственной исторической принадлежности не

только к территории, но и традициям. Благодаря этой квинтэссенции *Отечество* приобрело сакральный смысл. На протяжении нескольких веков титул государя, как воплощение божественного покровительства Отечеству был неприкосновенен. Даже век дворцовых переворотов не смог этого изменить, дворянские группировки меняли лишь персоны правителей, но об изменении самой концепции правления и речи не было.

Интересно смысловое наполнение, которое вкладывали в это понятие участники событий на Сенатской площади. Необходимо сразу оговориться, что именно рассуждений об *Отечестве* как теоретическом понятии мы не встретим на страницах записок декабристов. Нам досталось лишь редкое употребление этого термина в том или ином контексте.

Воспоминания сосланных декабристов пестрят рассуждениями о судьбе *Отечества* при Александре Благословенном, о том времени, когда молодое поколение будущих декабристов выучилось достаточно свободно размышлять и выражать свои мысли. После войны с Наполеоном *Отечество* многими воспринималось как высшая ценность, благо которого следовало ставить выше собственного, так, князь С. П. Трубецкой писал о Союзе Благоденствия: «члены тайного общества Союза Благоденствия решились принести себя в жертву отечеству жизнь, достояние и все преимущества, которыми пользовались, — что имели, без всякого возмездия» [6, с. 73—74]. Идею жертвенности мы встречаем и у другого участника восстания 14 декабря, у А. М. Муравьёва, который говоря о создании Тайного общества в 1816 г., писал: «... кто обрёл себя в жертву отечеству...» [5, с. 125]. Опять, уже после избавления от внешней угрозы, Отечество воспринималось как высшая цель, служение которой требовало жертв, жертв подобных тем, что принесли участники войны 1812 г.

Точкой разрыва следует считать речь Александра на открытии первого Польского сейма в Варшаве 15 (27) марта 1818 г., когда всё то, чего ждали от императора внутри Отечества, вдруг получило государство, ещё недавно угрожавшее ему. При этом с точки зрения императора, даруя Польскому Царству конституционное правление, он заботился, прежде всего, о благе собственного *Отечества*, т. е. России, и умножал его славу. Иными словами все смелые проекты, воплощение которых в России откладывалось сначала из-за Отечественной войны, потом из-за долга перед Европой, были применены в Польше и Прибалтийских провинциях. «Ревнуя ко славе моего отечества, я хотел, чтобы оно приобрело ещё новую. И действительно, Россия после бедственной воны, воздав, по правилам христианской нравственности добро за зло, простёрла к вам братские объятия и из всех преимуществ, даруемых ей победою,

предпочла единственно честь восстановить храбрый и достойный народ... Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что уже с давних лет я ему приурочиваю, и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости» [7, с. 86]. В речи императора *Отечество* заключает в себе политический смысл, оно выступает синонимом *государства*, *империи*, причём возвышенное наполнение опускается, уступая место политическому.

Критику на эту речь мы встречаем у А. М. Муравьёва, который возмущён тем пренебрежением, которое выказал Александр русскому народу: «Польша получила конституцию, а Россия награду за свои героические усилия в 1812 году получила — военные поселения!» [5, с. 124].

Часто в письменных свидетельствах той эпохи мы встречаем употребление слова *государство* или же просто Россия, оба термина употребляются в привычном смысле *Отечество*, но без высокого пафоса. Так, в «Русской Правде» П. И. Пестеля мы не видим рассуждений об Отечестве, этот документ максимально политизирован и имеет своей целью выражение чёткой политической позиции о государственном строе, который хотелось бы видеть в России. *Отечество* в контексте *государство*, основой которого являются крестьяне, мы встречаем и у С. П. Трубецкого: «...крестьяне могут вырвать у них себе свободу, и тогда отечество может быть на краю бездны» [6, с. 28]. В этом замечании явно прослеживается осознание того, что народные массы имеют не просто большой потенциал для участия в судьбе империи, а утрата контроля и дальнейшее пренебрежение народом могут привести к катастрофе.

Постепенно, в среде тех тайных обществ, интерес которых лежал в сфере политической жизни (о различных формах «тайных обществ» подробно пишут В. М. Бокова и Т. В. Андреева), формировалась идея не просто о смене персоны императора, а об ограничении власти и даже возможности ликвидации императорской семьи.

Безусловно, к тому, что произошло на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. привело многое, переплетение и политической ситуации междоусобицы, и политических интересов различных группировок, и преследование личных амбиций. Во многом понятие *Отечество* послевоенного времени сохраняло своё традиционное смысловое наполнение. Однако с этого времени единая формула *Отечества*, как квинтэссенции монархической власти, православной церкви и общества, была поколеблена и поставлена под сомнение. Впервые была всерьёз рассмотрена идея *Отечества* — *государства* без императорской власти.

Список литературы:

1. Гордин Я. А. Мятёж реформаторов: Трагедия мятежа: 14 декабря 1825 года. Книга 2. — СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2006. — 224 с.
2. Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). Курс лекций. — М.: Аспект Пресс, 2001. — 389 с.
3. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начала XIX века). — СПб.: Искусство-СПб, 2006. — 413 с.
4. Манифест О учреждении крестов, для Духовенства, а для воинства, дворянства, купечества медалей и о разных льготах и милостей. от 30 августа 1814 г. // ПСЗ РИ, Собр. I, Т. XXXII, — С. 906—910.
5. Муравьёв А. М. Мой журнал.// Мемуары декабристов. Северное общество. — М.: МГУ, 1981. — С. 121—147.
6. Трубецкой С. П. Записки.// Мемуары декабристов. Северное общество. — М.: МГУ, 1981. — С. 26—66.
7. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. в 4-х тт. Т. 4 — СПб., 1898. — 651 с.
8. Штейнгель В. И. Письма В. И. Штейнгеля на имя Николая I. Письмо первое. // Мемуары декабристов. Северное общество. — М.: МГУ, 1981. — С. 239—265.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Шабанов Вадим Васильевич

канд. юрид. наук, доцент МОФ МосУ МВД России, г. Руза

E-mail: Sh865918v@mail.ru

Одним из серьезных пороков вновь созданного советского государственного аппарата, несмотря на то, что это был «государственный аппарат нового типа», стали многочисленные злоупотребления новых советских чиновников, в том числе злоупотребления коррупционного характера, наиболее распространенным из которых являлось взяточничество.

Местные органы власти — Советы депутатов и их исполкомы вынуждены были принимать правовые акты, в которых подчеркивалась общественная опасность данного деяния и необходимость его «искоренения». Так в середине января 1918 г. исполком Курского

губернского Совета принял постановление, в котором говорилось: «...многочисленные злоупотребления и взятки, покрывшие заразой Советские органы, ... вносящее разложение и смрад гниения, подрывают доверие к власти. Советский работник-взяточник является злостным врагом и преступником против пролетарской Республики... и будет жестко наказан» [1]. Эти акты положили начало многолетней борьбе со взяточничеством и другими злоупотреблениями коррупционного характера советских госслужащих. Однако, отсутствие четкого определения понятия взятки, признаков характеризующих данное деяние, круга лиц подлежащих ответственности затрудняли в тот период борьбу с эти пороком.

Первым правовым актом, принятым в масштабах всего государства, стал декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» предусматривавший за него уголовную ответственность [9, с. 19—20]. Объективная сторона преступления была определена как получение вознаграждения за выполнение действия, входящего в круг обязанностей субъекта, или за содействие в выполнении действия, составляющего обязанность должностного лица другого ведомства. Ответственными за получение взятки признавались лица, «состоящие на государственной службе»: от должностных лиц советского правительства — до членов домовых комитетов.

В декрете были заложены положения о равной уголовной ответственности всех участников коррупционной сделки. Наряду с получателями взятки наказанию подлежали также лица, виновные в даче взятки, подстрекатели, пособники и «все прикосновенные к даче взятки служащие». Отягчающими обстоятельствами, усиливающими меру наказания за взятку, являлись: «... а) особые полномочия служащего; б) нарушение служащим своих обязанностей и в) вымогательство взятки».

Борьба с этим явлением была возложена на Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ВЧК) и местные ЧК. Они, используя присущие им «оперативные методы» работы, и прежде всего агентурно-осведомительный аппарат, развернули активную деятельность по выявлению фактов взяточничества и задержанию лиц уличенных в этом преступлении. В первые же месяцы были арестованы целый ряд работников центральных хозяйственных органов и органов управления, а так же местных исполкомов, продовольственных комитетов, военных комиссариатов, требовавших «благодарностей» за выполнение своих обязанностей.

Расследования таких уголовных дел, как правило, вели старшие следователи по особо важным делам губернских отделов юстиции. Например, в Орловском губотделе юстиции в сентябре 1918 г. находилось

в производстве помимо прочих 17 уголовных дел такого характера [4]. Уголовные дела данной категории расследовались в упрощенном порядке, а затем передавались в революционные трибуналы, которые и определяли уголовное наказание. Характерно, что при рассмотрении в судебном заседании этих дел, трибуналы принимали во внимание происхождение обвиняемых т. к. в декрете подчеркивалась необходимость соблюдать «классовый подход».

Однако многочисленными были случаи, когда сотрудники ЧК, используя свои «чрезвычайные» полномочия самостоятельно проводили расследования и определяли меру ответственности, нередко применяя «высшую меру социальной защиты» — расстрел и сами же приводили приговора в исполнение. Так наказывались, прежде всего, взяточники из «социально чуждых» слоев общества, так как их действия, как правило, квалифицировались как «контрреволюционные».

Большой вклад в борьбу с этим пороком внесли органы Народного комиссариата государственного контроля (НКГК) позже переименованные в Рабоче-крестьянскую инспекцию (НКРКИ). Основной задачей их в тот период было наведение порядка в финансово-хозяйственной сфере советских учреждений, проверка соблюдения правил учета и распределения материальных ценностей, продуктов питания. Однако на них так же была возложена задача бороться с бюрократизмом и злоупотреблениями советских работников. Осуществляя ревизии, обследования советских учреждений они выявляли факты злоупотребления должностными полномочиями.

В составе НКГК в апреле 1919 года были образованы Центральное и местные Бюро жалоб, куда обращались граждане с заявлениями и жалобами на злоупотребления местных чиновников. Так, в Нижегородской губернии в губернское и уездные Бюро жалоб за 9 месяцев 1919 года было подано 786 жалоб на «беззакония» работников продовольственных комитетов, земельных отделов, налоговых органов, милиции и т. п. [3].

16 августа 1921 г. СНК принял новый декрет «О борьбе со взяточничеством» [11], внесшем некоторые изменения в декрет от 8 мая 1918 г. Так, в ст. 4 декрета от 16 августа 1921 г. устанавливалось, что «лицо, давшее взятку, не наказывается, если оно своевременно заявил о вымогательстве взятки или окажет содействие раскрытию дела о взяточничестве». Одновременно декрет уточнил некоторые признаки состава получения взятки. Была ужесточена ответственность за посредничество в получении взятки, которое, как и получение взятки и укрывательство взяточников, каралось лишением свободы с конфискацией имущества. В отличие от декрета, принятого 8 мая 1918 г.,

ни нижний, ни верхний пределы лишения свободы декрет от 16 августа 1921 г. не определил.

Указанные декреты стали основой для формулирования норм о взяточничестве в первом советском Уголовном кодексе, введенном в действие с 1 июня 1922 г [8]. Уголовный кодекс РСФСР содержал достаточно разработанную систему норм о должностных (служебных) преступлениях. В примечании к ст. 105 УК РСФСР давалось определение должностных лиц как лиц, занимающих постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач. Однако в ст. 114 УК РСФСР, устанавливающей ответственность за получение взятки, в качестве субъекта называлось не должностное лицо, а лицо, стоящее на государственной, союзной или общественной службе, как это было в декрете от 16 августа 1921 г. Объективная сторона преступления определялась как получение «в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица». Получение взятки каралось лишением свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества или без таковой, а при отягчающих обстоятельствах, как то: 1) особые полномочия принявшего взятку должностного лица; 2) нарушение им обязанностей службы; 3) допущение вымогательства или шантажа, — лишением свободы со строгой изоляцией не ниже 3 лет вплоть до высшей меры наказания с конфискацией имущества. Статья 114 УК РСФСР предусматривала ответственность за посредничество в получении взятки и за укрывательство взяточничества — в виде лишения свободы на срок до 2 лет с конфискацией имущества или без таковой. Лицо, давшее взятку, не наказывалось лишь в том случае, «если своевременно заявило о вымогательстве взятки или оказало содействие раскрытию дела о взяточничестве». В противном случае оно каралось лишением свободы на срок до 3 лет. Особо и весьма сурово, как и получение взятки при отягчающих обстоятельствах, наказывалась провокация взятки — «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку».

Эти нормы стали правовой базой развернувшейся осенью 1922 г. кампании по борьбе с взяточничеством, начало которой положило постановление Совета труда и обороны от 1 сентября 1922 года. На следующий день при СТО была образована Комиссия по борьбе с взяточничеством во главе с Ф.Э. Дзержинским, а 15 сентября утверждено

«Положение о ведомственных комиссиях по борьбе с взяточничеством» [5]. В целях борьбы с взяточничеством и его предупреждением была выстроена иерархичная антикоррупционная система: специальная комиссия при СТО — ведомственные центральные комиссии по наркоматам — ведомственные комиссии по губернским центрам — уполномоченный в каждом отделе уездного исполкома. При этом, согласно «Краткой инструкции» СТО ведомственным комиссиям о порядке проверки личного состава в государственных учреждениях» изданной в ноябре 1922 года, порядок и методы проверки по каждому ведомству вырабатывались ими самостоятельно. В компетенцию ведомственных комиссий входила проверка сотрудников «с точки зрения благонадежности данного лица в отношении взяточничества, хищничества и бесхозяйственности». Согласно инструкции, из учреждений в первую очередь, должны быть удалены «лица, уже опороченные в этом отношении по суду», а во вторую — лица, «кои при тщательном наблюдении и проверке окажутся неблагонадежными» [6].

Так Курской губернской комиссией к 1 января 1923 г. только в Тимском уезде как «неблагонадежные» были отстранены от исполнения обязанностей почти 20 % служащих советских учреждений [2].

Соответственно были внесены изменения в уголовное законодательство. Принятый 9 октября 1922 г. декрет ВЦИК и СНК «Об изменении текста ст. 114 УК» [12] усилил ответственность за получение взятки без отягчающих обстоятельств, указав лишь нижнюю границу наказания. Значительно повышалась ответственность за дачу взятки, посредничество во взяточничестве, оказание какого-либо содействия или непринятие мер противодействия взяточничеству, размеры которой приравнивались к ответственности за получение взятки. При особо отягчающих обстоятельствах названные выше преступные действия, как и получение взятки при отягчающих обстоятельствах, карались лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет или высшей мерой наказания с конфискацией имущества. Изменения были внесены в перечень обстоятельств, отягчающих ответственность за получение взятки. Таковыми стали признаваться: 1) ответственное положение должностного лица, принявшего взятку; 2) нанесение или возможность нанесения государству материального ущерба в результате взятки; 3) наличие прежней судимости за взятку или неоднократно получения взятки; 4) вымогательство взятки. Особый интерес вызвала ч. 2 ст. 114 «а», согласно которой лица, виновные в получении взятки, даче взятки, посредничестве во взяточничестве, оказании какого-либо содействия или непринятии мер противодействия взяточничеству могли быть освобождены судом от наказания «лишь в случае: а) если они добровольно и немедленно заявят о вымогательстве взятки и б) если своевременными

показаниями и донесениями окажут содействие раскрытию дела о взяточничестве». Характерно, что правом освобождения обладал только суд, а не следственные органы; это было именно право, а не обязанность суда и что освобождены от наказания могли быть все лица, имевшие отношение к взяточничеству, в том числе и взяточполучатели.

В механизм правового обеспечения борьбы с коррупцией входили не только уголовно-правовые меры. Отдельно устанавливались правила государственной службы. Так, постановление СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г., утвердившее «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях», развернуто раскрыло различные формы незаконного совместительства, квалифицируемые как взяточничество [13].

В результате этих мер примерно за полгода проведения «ударной кампании» за взяточничество было осуждено 3265 человек, 1,9 % осужденных были приговорены к высшей мере наказания [7, с. 492]. По неполным статистическим данным, в 1923 г. за взяточничество было осуждено 9258 человек, за провокацию взятки — 77 человек, а в 1924 г. за взяточничество было уже осуждено 10 936 человек, за провокацию взятки — 37 человек [10, с. 15, 94—95].

Список литературы:

1. Государственный архив Курской области, ф. 3406, оп. 1, д. 12, л. 47.
2. Государственный архив Курской области, ф. 3408, оп. 1, д. 10, л. 78.
3. Государственный архив Нижегородской области, ф. 242, оп.4 д. 68, л. 58.
4. Государственный архив РФ, ф. 1250, оп. 1, д. 4, л.65
5. Государственный архив РФ, ф. 9495, оп. 1, д. 9, л. 87.
6. Государственный архив РФ, ф. 393, оп. 22, д. 178, л. 98.
7. Зенькович Н. А. К итогам борьбы со взяточничеством // Еженедельник советской юстиции. 1923. № 21.
8. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
9. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 — 1952 гг. М., 1953.
10. Статистика осужденных в СССР. 1923—1924 гг. М., 1927.
11. СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 467.
12. СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 178
13. СУ РСФСР. 1923. № 1. Ст. 8

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ УРУГВАЯ

Бычков Максим Алексеевич

канд. истор. наук, доцент МГУТУ им. К.Г. Разумовского, г. Москва

E-mail: deak2007@yandex.ru

Партийная система Восточной республика Уругвай (далее Уругвай) не была объектом целостного изучения в отечественной исторической науке. В результате из поля исследования выпал значительный пласт знания, имеющего как теоретическое, так и практическое значение.

Партийная системы страны формировалась в условиях жёсткого противостояния как между политическими группировками, борющихся за господство на территории Уругвая, так между Аргентиной и Бразилией, стремившихся сделать его своей частью.

После получения независимости в 1828 году в стране началась гражданская война. В годы войны сформировались политические группы, которые впоследствии стали основой образования двух основных партий Уругвая: «Бланко» и «Колорадо». Первая стала защитницей интересов крупных землевладельцев внутренних областей страны, а также духовенства; вторая — крупных земледельцев, промышленников прибрежных районов, представителей чиновничества, лиц свободных профессий и торговцев Уругвая. «Бланко» ориентировалась на Аргентину, а «Колорадо» - на Бразилию. Также следует отметить, что «Колорадо» традиционно поддерживали иммигранты из Италии и стран Центральной Европы.

Политические группы «Бланко» и «Колорадо» для получения власти в стране использовали военные средства, прибегали к помощи Буэнос-Айреса и Рио-де-Жанейро, резко меняли направленность внутренней и внешней политики.

В монографии «Политическая система общества в Латинской Америке» отмечается, что первоначально они представляли собой довольно аморфные объединения разнородных, соперничавших между собой групп [5, с. 348].

За годы военного конфликтами между ними Уругвай пережил гражданскую войну, войну с аргентинским диктатором Росасом, войну с Парагваем.

Итоги войн для страны были неоднозначными. Американский историк Альфред Б. Томас по этому поводу отмечает, что «долгая война ещё более усилила антагонизм между «Бланко» и «Колорадо» и толкало обе партии обращаться за помощью в своих междоусобных конфликтах к Аргентине или Бразилии. Именно этот момент определил на протяжении последующих десяти лет ожесточённую борьбу обеих партий за власть» [7, с. 285]. Следует добавить, что это также способствовало быстрому политическому развитию страны.

Кроме того, упомянутый американский исследователь указывает на то, что установление режима свободной торговли на реках Уругвай, Парагвай, Парана, обеспечило «дополнительную опору для будущего экономического роста Уругвая» [7, с. 286].

Рост спроса на продукты уругвайского сельского хозяйства и промышленности, развитие транспортной системы (железные дороги, судоходство, портовое хозяйство) стимулировали социально-экономическое развитие страны. Последнее же способствовало росту числа эмигрантов из европейских стран, что также создавало благоприятные условия для социально-экономического развития.

Постоянная борьба между сторонниками «Колорадо» и «Бланко» подрывало политические и экономические устои уругвайского общества. В 1872 году их руководители заключили так называемый Политический пакт, в соответствии с которыми находящиеся у власти «Колорадо» уступила «Бланко» контроль над четырьмя из девятнадцати департаментами страны. Так была заложена основа «системы сотрудничества», или «соправления», традиционных партий.

Социально-экономические перемены, которые переживал Уругвай, усилили позиции «Колорадо». Однако достигнутые успехи способствовали процессу её олигархизации, постепенному отрыву правящей элиты от социальной реальности, сложившейся в стране. Итогом этого стало восстание 1896 года, организованное сторонниками «Бланко». Уругвай опять был ввергнут в пучину гражданской войны.

Огромную роль в урегулировании очередного конфликта, потрясшего страну, сыграл Хосе Батлье-и-Ордоньес, избранный президентом в 1903 году.

Подавив очередное восстание «бланкистов», он стал инициатором крупномасштабной политической реформы.

Считая, что сильная президентская власть в условиях уругвайской действительности является прямым путём к установлению диктатуры, а режим парламентской республики приведёт к неэффективности политической власти и росту сепаратизма, Батлье-и-Ордоньес выдвинул

идею ликвидацию поста президента и создания вместо его коллегиального органа центральной исполнительной власти.

Именно на период его президентства можно отнести оформление уругвайской партийной системы.

Батлье-и-Ордоньес реорганизовал «Колорадо» в политическую партию массового типа: усовершенствовал организационную структуру, создал клубы как первичные партийные ячейки, а также исполнительный комитет партии и департаментские партийные комиссии. Он не препятствовал существованию в её рядах различных фракций, имеющих своих лидеров, свои организационные структуры, свои газеты.

Руководители «Бланко», потерявшие право на «соправление» после организованного им в 1904 году очередного восстания, также провели реорганизацию по аналогии с «Колорадо».

Отечественный исследователь Б. В. Кострицын отмечает, что «Колорадо» и «Бланко» следует рассматривать не как политические партии, а как группы политических партий [3, с. 16]. Это было связано с тем, что социальная база этих политических организаций была весьма разнородной.

Значительную роль в развитии партийной системы сыграла избирательная реформа, начатая в 1910 году. Тогда в избирательное законодательство было введено понятие «девиз». Шведский исследователь Линдал Гёран определил его как «наименование политической партии во время выборов» [9, с. 39].

Согласно новому избирательному законодательству, любая политическая группа и любой лидер могли принять участие в выборах при условии использования ими принятого партийного наименования (девиза). По той причине, что в стране существовало две влиятельные партии, девизов всего было два: «Колорадо» и «Бланко». То есть вне зависимости от числа политических групп и лидеров, претендующих на власти, они могли идти на выборы только от партии «Колорадо» или «Бланко». Тем самым было заложено основание для развития двухпартийной системы, созданы условия для включения в политическую сферу самых разных социальных слоёв уругвайского общества. В то же самое время через механизм правового регулирования (избирательное законодательство) устанавливались определенные гарантии сохранения политического единства и стабильности в Уругвае.

Выше упомянутая идея Батлье-и-Ордоньеса о создании коллегиального органа исполнительной власти, пройдя через многочисленную критику, в компромиссном виде была реализована в конституции страны, принятой в 1917 года. Основным законом государства предполагал создание коллегиального органа исполнительной власти в

лице Национального административного совета при сохранении поста президента. Последний избирался прямым голосованием на четыре года, ему непосредственно подчинялись министр внутренних дел, министр иностранных дел и военный министр. Остальные находились в подчинении коллегиального органа исполнительной власти. Национальный административный совет состоял из девяти членов, которые избирались прямым голосованием сроком на шесть лет. При этом шесть мест в Совете предоставлялось политической партии, победившей на выборах, а остальные три — партии, получившей второе место [5, с. 352]. Благодаря «закону о девизах» их занимали ведущие партии страны.

Быстрое экономическое и политическое развитие Уругвая изменяло социальную структуру общества, порождало новые социально-экономические и политические проблемы. Так рост числа промышленных рабочих создавал специфические социально-экономические противоречия в обществе и, таким образом, формировал благоприятную среду для распространения левых политических идеологий (социализм, анархизм, анархо-синдикализм).

С одной стороны, усложнение уругвайского общества требовало создания необходимых условий для политического представительства интересов всех социальных групп, чему явно противоречила установленная система двухпартийности, а, с другой, политика Батлье-и-Ордоньеса определенным образом снимала противоречия между социальной структурой и политической системы.

Это было связано с тем, что он не ограничился лишь политическими реформами, а провёл широкие преобразования в социально-экономической сфере. Будучи на посту президента Уругвая, Батлье-и-Ордоньес расширил государственный сектор в экономике, провёл национализацию ряда крупных предприятий и отраслей, ввёл социальное законодательство.

Это позволило партии «Колорадо» расширить свою социальную базу за счёт левого электората. Теория и практика батльистских реформ ориентировалось на создание условий для интеграции и стабильности уругвайского общества при сохранении его динамичности. Отечественный исследователь истории Уругвая Н. С. Иванов по этому поводу пишет, что «для «дона Пепе» (прозвище Батлье-и-Ордоньеса среди его сторонников), если говорить о его социальной базе, прежде всего, была характерна апелляция ко всем слоям населения (часто — к «низшим», «беднякам» и т. п.) с осторожным использованием «рабочего» и «социалистического» аспектов в качестве перспективы для привлечения новых голосов на будущих выборах. Данная позиция отвечала чаяниям тех деятелей политической элиты страны, которые

верили в экономических национализм и «разумную» социальную справедливость» [1, с. 122].

Преобразования, проведённые Батлье-и-Ордоньесом, способствовали формированию довольно устойчивой партийной системы. Однако уругвайская двухпартийность имела определенные особенности: большая свобода, которой обладали фракции обеих партий, приводила к тому, что в межвыборный период партии как бы «распадались», а во время избирательного процесса они «объединялись» вновь. Эта способность партийной системы к гибкости показала в целом свою эффективность в 1930-е годы, когда в условиях ухудшения состояния экономики проявились противоречия между различными социальными группами уругвайского общества.

Важным этапом в развитии партийной системы страны стало время президентства Габриеля Терры. На экономический кризис и рост социального протеста, правящие круги отреагировали ужесточением политического режима: 31 марта 1933 года Г. Терра распустил конгресс (нижняя палата парламента), упразднил Национальный административный совет. В апреле 1934 года было создано Учредительное собрание, которое приняло новую конституцию, восстановившая президентский режим.

Тогда же были приняты новые избирательные законы. Так «Закон о девизах» от 5 мая 1934 года и дополняющий его закон от 11 декабря 1935 года устанавливали норму, согласно которой партия, желающая принять участие в политической деятельности, должна зарегистрироваться. Также было зафиксировано право на партийный девиз тех групп, которые представляли большинство депутатов в Учредительном собрании (партии «Колорадо» и «Бланко») [5, с. 357]. В 1939 году избирательное законодательство было дополнено «Законом о суб-девизах», в соответствии с которым отдельные внутривыборные фракции получали право на собственное наименование (суб-девизы). Кроме того, данный закон устанавливал двойное одновременное голосование. Авторы монографии «Переход от авторитаризма к демократии: латиноамериканская специфика» характеризуют эту систему следующим образом: «двойное одновременное голосование на деле означает, что первичные партийные выборы (для определения кандидатов) проводятся одновременно с всеобщими выборами, и, следовательно, каждая партия может выдвигать несколько кандидатов в президенты. «Закон о девизах» позволяет суммировать голоса, поданные за всех её кандидатов. В результате побеждает партия, набравшая наибольшее число голосов, а внутри неё — кандидат, получивший большее число голосов» [4, с. 39].

В то же самое время осуществлялся двойной подсчёт голосов: голоса, полученные отдельными фракциями с соответствующими суб-девизами, приплюсовывались к общему числу голосов всей партией, но в то же время учитывались и отдельно.

Изменения в избирательном законодательстве способствовали укреплению сложившейся партийной системы, которой была придана большая гибкость, большая способность адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям развития уругвайского общества.

Сохранение определенной политической стабильности в условиях экономического кризиса 1930-х годов стало показателем эффективности сложившейся партийной системы. После улучшения социально-экономического положения страна вернулась к политическому режиму до 1933 года. Это произошло в 1938 году, когда истёк срок полномочий президента Габриеля Терры.

В годы Второй мировой войны и в послевоенный период значительно вырос авторитет партии «Колорадо», которая смогла в новых условиях общественного развития воспользоваться наследием Х. Батлье-и-Ордоньеса и провести необходимые для Уругвая социально-экономические и политические преобразования.

В то же самое время изменения в социальной структуре уругвайского общества в послевоенные годы стимулировали процесс перестановки политических сил, что, естественно, не могло не повлиять на партийную систему. Авторы монографии «Политическая система общества в Латинской Америке» отмечают, что «относительно интенсивное промышленное развитие в период Второй мировой войны и послевоенные годы сопровождалось ростом крупной промышленной буржуазии, укреплением её связей с торговой и банковской буржуазией и латифундистами» [5, с. 363]. Также по мере усиления американского экономического влияния происходили постепенная переориентация земельной олигархии и торгово-промышленной буржуазии на более тесное сотрудничество с американским капиталом. Последнее определило изменения в партийной системе. В партии «Колорадо» оформились две основные соперничающие фракции: «15-й список» под руководством Л. Батлье Берреса и «14-й список», возглавляемый С. Батлье Пачеко. Фракция «15-й список» опирается на мелкую и среднюю буржуазию, а также некоторые слои крупной буржуазии, выступающие за политику протекционизма. Фракция «14-й список» ориентировалась на социальные слои, которые занимали проамериканскую позицию [6, с. 244].

Партия «Бланко», получившая возможность представлять свои интересы через восстановленный коллегиальный орган исполнительной власти, согласилась на роль второй политической силы страны.

В то же самое время правящая партия «Колорадо» на фоне социально-экономических успехов послевоенного времени утратила динамизм, который ей придавали идеи Х. Батлье-и-Ордоньеса. Характерными её чертами становится олигархизация, nepотизм, геронтократия, коррупция. Всё это неуклонно вело к падению эффективности государственного управления, к кризису политической системы.

Явно кризис проявился во время выборов 1958 года, в результате которых «Колорадо» потерпела поражение. Победу одержала партия «Бланко» при активной поддержке лоббистских групп сельской олигархии. Став правящей партией, она начала проводить неолиберальную политику, что являлось открытым разрывом с батльезмом (с идеями Х. Батлье-и-Ордоньеса).

Неспособность «Бланко» остановить нарастание социально-экономических проблем, политической поляризации уругвайского общества привело к её поражению на выборах 1966 года. Однако вернувшаяся к власти партия «Колорадо» также не смогла найти необходимых мер для стабилизации социально-экономической ситуации. Сильно осложняли положение активные действия левой экстремистской организации «Тупамарос».

В начале 1968 года принимается закон о запрете политических партий и организаций левой политической ориентации. В целом с этого время начинают всё чаще применяться «чрезвычайные меры безопасности». Политический режим постепенно склоняется вправо. Партийная система оказывается в состоянии достаточно глубокого кризиса: падает престиж традиционных партий, в самих партиях усиливаются центробежные тенденции.

В декабре 1970 года из партии «Колорадо» вышли левая группировка «99-й список» (Движение за правительство народа), группа «ортодоксальных батльезистов», а от партии «Бланко» откололись группа «За родину», Народно-прогрессивное движение «Бланко» и «58-й список».

Дальнейшее ужесточение политического режима привело к тому, что в феврале 1971 году оппозиционные группы (социалисты, коммунисты, христианские демократы, а также представители небольших группировок) объединились в «Широкий фронт».

Не менее важным явлением общественной жизни становится изменение роли вооруженных сил. Уругвайские военные традиционно не вмешивались в политику, а политическая элита страны старалась их туда

не привлекать. Но нарастание кризиса, всё более приобретающего структурный характер, изменило это положение. В июле 1968 года президент Х. Пачеко Ареко обратился к ним за помощью в подавлении социальных протестов. Отечественный исследователь А. Ф. Шульговский отмечает, что «особенность вторжения уругвайской армии на политическую авансцену заключалась в том, что именно сами господствующие классы, ещё до недавнего времени заявлявшие о своей приверженности к её «аполитичности», вывели, так сказать, вооружённые силы из казарм, чтобы бросить их на подавления борьбы тряющихся» [8, с. 501].

Активное вмешательство военных в политическую жизнь началось осенью 1971 года в связи с борьбой с «Тупамарос». Её террористические акции использовались правящей элитой для ужесточения политического режима. Президенты Х. Пачеко Ареко, а затем Х. Бордаберри, приняли ряд законов «о внутренней войне», «о государственной безопасности», что узаконило участие военных в сфере государственного управления. Несмотря на то, что к осени 1972 года военные добились значительных успехов в борьбе против «Тупамарос», они не согласились уйти из политики. Более того, военные стали претендовать на ведущее положение в ней. С 1972 года до 1973 года шёл процесс борьбы за власть между гражданской и военной элитой. 27 июня 1973 года президент Х. Бордаберри при поддержке военных распустил парламент, отменил конституционные гарантии. В Уругвае была установлена военная диктатура.

Пришедшие к власти военные не стремились занять официальные государственные должности, поэтому выдвигали на должность президента страны гражданских лиц. Не имея чёткой программы политических и социально-экономических преобразований, они не смогли стабилизировать общество. На фоне углубления структурного кризиса роль военных в управлении Уругвае фактически свелась к жесткому подавлению разрастающегося социального протеста.

С целью легитимизации своей власти ими был подготовлен проект нового основного закона государства, который было предложено принять на референдуме в 1980 году. Результаты референдума, несмотря на сильное давление со стороны властей, показали, что народ отверг подготовленный военными проект конституции. Политический кризис 1980 года был усилен очередным экономическим спадом 1982 года. В этих условиях правящие круги приняли решения о демонтаже существующей политической системы и восстановлении демократии.

Последние десятилетия XX века стали для Уругвая временем сложного преодоления тяжёлых социально-экономических и политических последствий военной диктатуры.

Естественно, что данные события не могли не повлиять на развитие партийной системы. Фактически парализованная в годы военной диктатуры, после её падения она была восстановлена в новом виде. Новое избирательное законодательство 1996 года отменило законы о девизах, введя более простую систему: вначале в каждой партии проводились первичные выборы, в ходе которых определяется один победитель, который выдвигается в качестве кандидата на предстоящих президентских выборах [2, с. 411].

Партийная система Уругвая в конце XX века фактически стала трехпартийной. Кроме традиционных партий «Колорадо» и «Бланко» ведущую роль стал также играть «Широкий фронт». При этом система сохранили своё своеобразие: наличие в рамках партий довольно самостоятельных фракций.

Таким образом, рассмотрев основные вехи исторического развития партийной системы Уругвая, может сделать вывод, что общественная практика доказала её достаточную эффективность.

Список литературы:

1. Иванов Н. С. Х. Батлье-и-Ордоньес: построение «образцовой страны» в Уругвае и судьбы политического наследия//Латиноамериканский исторический альманах//Отв. ред. А. А. Щелчков. М.: ИВИ РАН, — 2000 — № 1. — 241 с.
2. История Латинской Америки. Вторая половина XX века / Отв. ред. Е. А. Ларин — М.: Наука, 2004. — 607 с.
3. Кострицын Б. В. Государственный строй Уругвая — М.: Госюриздат, 1959. — 63 с.
4. Переход от авторитаризма к демократии: латиноамериканская специфика//Отв. ред. О. А. Жирнов — М.: ИНИОН, 1997. — 112 с.
5. Политическая система общества в Латинской Америке//Отв. ред. А. Ф. Шульговский — М.: Наука 1982. — 480 с.
6. Политические партии стран Латинской Америки//Под ред. Г. Н. Коломиец — М.: Наука, 1965. — 318 с.
7. Томас А. Б. История Латинской Америки — М.: Изд. иностр. лит., 1960. — 647 с.
8. Шульговский А. Ф. Армия и политика в Латинской Америке — М.: Наука, 1979. — 566 с.
9. Lindahl Göran. Uruguay's new path — Stockholm: Library and Institute of Ibero-American Studies 1962. — 369 с.

4.3. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

СОЗДАНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ ВИНКЛЕР-КОХА

Ахмадова Хава Хамидовна

*профессор, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: hava9550@mail.ru*

Сыркин Алик Михайлович

*профессор, Уфимский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Уфа
E-mail: syrkinam@mail.ru*

Абдулмежидова Зулай Абдуловна

*доцент, Грозненский Государственный Нефтяной Технический
Университет, г. Грозный
E-mail: zuly@mail.ru*

25 сентября 1930 г. ВСНХ СССР представило на рассмотрение Политбюро свои предложения по развитию производства отечественных крекингов в СССР. На заседании 5 октября 1930 г. Политбюро одобрило эти предложения и было принято решение о создании отечественных крекингов [8].

В 1931 г. были введены в эксплуатацию 15 импортных установок Винклер-Коха: в Баку — две, в Батуми — четыре, в Грозном — шесть, в Туапсе — две, на Константиновском заводе им. Менделеева — одна.

Все установки крекинга в Грозном, включая системы Викаерса, Дженкинса и Винклер-Коха в 1931 г. были объединены в первый крекинг-завод.

Этот завод был первенцем новой отрасли промышленности - крекинг-производства, где практически впервые в СССР были реализовываны новейшие достижения мировой науки и техники в нефтепереработке, впервые налажено промышленное производство бензина из нефтяных остатков, получаемых с заводов первичной перегонки. В рапорте рабочих и административно-технического персонала грозненского крекинг-завода в 1932 г. отмечалось: «Нелегко

было овладеть техникой американских сложных и совершенно незнакомых крекинг-установок. Первое время не ладилась работа. Аварии, перебросы, вспышки, пожары срывали нормальную работу завода. В результате план особого квартала 1930 г. был закончен с позорнейшим прорывом. Завод тогда не дал стране 7300 т бензина. Перед нами стала задача — перестроиться, найти ближайшие и наилучшие пути к овладению сложнейшей техникой крекинг-производства.» [3, 7].

Обеспечивая выполнение плана по крекинг-производству к 13 декабря — на 18 дней раньше срока, Грозненский крекинг-завод закончил производственную программу третьего года пятилетки, перевыполнением ряда показателей. Взяв на себя обязательство, переработать в течение года 910811 т сырья и дать 305852 т крекинг-бензина, завод к указанному дню выполнил обязательство с превышением по сырью на 100,34 %, по бензину на 100,04 % и программные качественные показатели на 101 % [3, 7].

При всех трудностях со снабжением электроэнергией, паром крекинг-завод добился снижения себестоимости против плана тонны пресс-дистиллята на 14,64 %, товарного бензина на 11 %, что дало стране 700 тыс. руб. годовой экономии. За 18 оставшихся до конца года дней завод дал стране сверх годовой программы 22 тыс. 300 т бензина.

Программу третьего года пятилетки грозненский крекинг-завод завершил крупнейшими успехами в борьбе за мировые рекорды в технологии крекинга [3 с. 232]. Основные производственные показатели американского промышленного крекинга были оставлены позади.

Так, если на заводах города Дункое (Америка) каждая вдвоенная установка Винклер-Коха перерабатывала в сутки 1000 т сырья и давала 330 т крекинг-бензина (30—33 %), то те же винклер-коховские установки перерабатывали в Грозном в среднем в сутки 1200—1250 т сырья и производили крекинг-бензина 430—450 т (35—36 %) [7]. На грозненском крекинг-комбинате среднерабочий цикл этих установок достиг 70 дней, в то время как в Америке только 24—35 дней. Эти первые успехи грозненских нефтяников на совершенно новом в СССР крекинг-производстве были достигнуты в результате освоения в короткий промежуток времени — в течение 15 месяцев — передовой американской техники и развернутого применения социалистических форм труда.

Одновременно с освоением зарубежных крекинг-установок осуществлялась большая работа по усовершенствованию аппаратуры этих установок. В результате были спроектированы усовершенствованные отечественные установки Винклер-Коха.

В 1932 году в Грозном началось строительство отечественных крекинг-установок № 7—8, 9—10, 11—12 на базе системы Винклер-Коха с соответствующими усовершенствованиями, внесенными советскими специалистами в конструкцию и технологию этой системы.

Опыт эксплуатации закупленных установок Винклер-Коха в течении 1930—1931 гг. показал, что они имели крупные недостатки, и поэтому в последующие годы были значительно реконструированы советскими специалистами.

Основным недостатком установок системы Винклер-Коха был низкий отбор бензина от сырья (24—29 % мас. от сырья). Получаемый на этих установках крекинг-остаток имел сравнительно небольшую вязкость и низкий удельный вес в связи с недобором легких фракций [5, 6].

Конструктивными недостатками установки являлись:

- малая печь установки не была приспособлена для легкого крекинга и ее роль ограничивалась нагревом сырья, обеспечивающим отбор соляровых фракций. В результате выход бензина на крекинг-установках Винклер-Коха был значительно меньше, чем на установках других систем, где применялся легкий крекинг мазута;

- установка не имела дополнительного эвапоратора, в котором можно было бы отпарить легкие части из крекинг-остатка. В результате в крекинг-остаток увлекалось много фракций, которые могли в результате крекинга дать дополнительное количество бензина;

- ректификационная колонна имела недостаточное количество тарелок и поэтому не обеспечивала четкой ректификации;

- отсутствие ректификации паров до их ввода в колонну. В результате флегма, идущая на загрузку печи крекинга, имела чрезвычайно широкий фракционный состав.

Пределы выкипания флегмы находились в интервале 200—500⁰С, а это значительно ограничивало возможную глубину крекинга за пропуск; давление в колонне и газосепараторе было низким. В результате этого температура флегмы, поступающей на загрузку печи крекинга имела низкую температуру 320—330⁰С, что, в свою очередь, приводило к повышению расхода топлива в печи и большое количество бензиновых фракций (до 18 % мас. на газ) уносилось с газом;

- конструкция теплообменников была неудачной, что приводило к частому выходу их из строя. Хотя теплообменники Лича сконструированы были таким образом, чтобы избежать напряжений из-за неравномерного расширения отдельных пучков труб, а, следовательно, и течи в местах вальцовки труб в решетку, само устройство разрезной плавающей головки требовало усовершенствования и создания новых соединений. Добиться герметичности этих соединений

являлось трудной задачей. Теплообменники часто текли и мазут попадал в флегму. В этом случае на установках часто работали с выключенными теплообменниками, что было экономически невыгодно и технологически неоправданно;

- погружной конденсатор на установке был собран из ребристых секций Стерлинга, причём рёбрами была снабжена наружная, омываемая водой поверхность труб. Так как коэффициент теплопередачи от стенки к воде значительно выше, чем от паров бензина к стенке трубы, то устройство этих рёбер не увеличивало общего коэффициента теплопередачи. В то же время наличие рёбер усложняло и делало почти невозможным очистку труб конденсатора от накипи.

Главным в усовершенствовании установок Винклер-Коха была их реконструкция со схемы жидкофазного крекинга на парофазный. Однако фактически установки работали как жидкофазные крекинги: малая печь использовалась не для парофазного крекинга керосина, а для редюсинга мазута [6].

При создании отечественных установок на базе Винклер-Коха ввели следующие конструктивные изменения [1]: в печах установили боковые экраны для нагрева мазута, что позволило увеличить производительность установки; увеличили число тарелок в ректификационной колонне с 15 до 21, что повысило качество пресс-дистиллята; установили сокинг-секции в печи низкого давления, что позволило увеличить ее производительность; установили выносную клапанную коробку горячего насоса и переместили рефлюксные насосы в отдельное помещение, что уменьшило скопление газов в насосной и уменьшило пожароопасность; для углубления отбора от сырья поставили насосы для циркуляции крекинг-остатка в эвапоратор; установили жидкотрубные конденсаторы пресс-дистиллята на установках № 11—12, что облегчило их ремонт и чистку.

В сентябре 1933 г. установки № 7-8 были введены в эксплуатацию. Модернизированные установки № 9-10 и № 11-12 пустили в эксплуатацию в Грозном в 1935 году.

Сдвоенные установки № 7—8, 9—10, 11—12 были выделены в самостоятельный второй крекинг-завод. Директором завода был назначен бывший начальник установки Федоров [1].

В июле 1936 года на втором Грозненском крекинг-заводе была пущена установка № 13—14, а в сентябре — установка № 15—16 [4].

Установки подтвердили свои значительные преимущества над прежними установками системы «Винклер-Кох»: производительность по сырью возросла на 35—40 %, глубина крекирования повысилась до 50 %, выход бензина из одинакового сырья повысился на 6—8 %.

Материальный баланс отечественной усовершенствованной установки Винклер-Коха № 11—12 приведен в таблице 1.

Таблица 1.

Материальный баланс установок № 11—12 [4]

Наименование	Значения	
	План.	Факт.
Переработано сырья: мазута, %	83,76	79,4
Получено, %:		
пресс-дистиллята	35,5	38,9
крекинг-остатка	55,2	51,4
газ и потери	9,3	9,7
Качество пресс-дистиллята (до 225°C выкипает, %)	87	87,2
Вакуумная разгонка: мазута, %	58	56,28
отбор от потенциала, %	86,5	90,7
Суточная производительность по пресс-дистилляту, т	538	581*)
Расход топлива: прямое, %	6,31	6,3
через пар, %	1,88	1,87
Пар в тоннах на тонну перерабатываемого сырья	18,8	18,84

*) На двоенную установку

Характеристика получаемых на установке продуктов приведена в таблице 2, режимные показатели в таблице 3.

Таблица 2.

Характеристика продуктов, получаемых на установке № 11—12 [2]

Продукты	Мазут	Соляр	Флегма	Крекинг-остаток
Плотность, d_{4}^{20}	0,932	0,866	0,927	0,983
Фракционный состав, %				
Н.к., °C	285	232	230	265
Перегоняется при 275°C	–	–	14,1	–
при 300°C	2,1	29	36,6	3,7
при 350°C	15,7	-	-	15,3
при 360°	28,7	-	-	25,3
Вязкость Θ_{50}	18,19	-	-	33,58
Температура застывания, °C	+3,4	-12	-	+6

Таблица 3.

Режимные показатели работы установок № 11-12 [2]

Наименование аппаратов	Значения	Наименование аппаратов	Значения
Печь высокого давления		Эвапоратор	
Температура, °С		Температура низа, °С	-
топочные газы	370	Температура верха, °С	428
выход из радиантной секции	491	Колонна 1	
выход из сокинга	503	Давление, ат	4,3
Давление, ат		Температура верха, °С	315
на входе	48	Температура низа, °С	355
на выходе	48	Колонна 2	
Печь легкого крекинга		Давление, ат	4
Температура, °С		Температура верха, °С	200
топочные газы	660	Температура низа, °С	305
выход из радиантной секции	456		
выход из сокинга	465		
Давление, ат			
на входе	18		
на выходе	9		

Список литературы:

1. Абубакарова З. Ш., Сыркин А. М. Первые отечественные установки системы Винклер-Коха. // Материалы V Международной научной конференции «Современные проблемы истории естествознания в области химии, химической технологии и нефтяного дела». Т. 1. — Уфа: Государственное издательство научно-технической литературы «Реактив», 2004. — 158 с.
2. Абубакарова З. Ш. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. техн. наук Становление промышленных процессов термического крекинга на Кавказе. — Уфа, 2007. — С. 25.
3. История Индустриализации Северного Кавказа (1926—1932 гг.). № 110. Из рапорта рабочих и административно-технического персонала Грозненского крекинг-завода. — Грозный, 1971. — С. 448—451.
4. Межеричкий Л. М. // Грозненский нефтяник. — 1937. — № 11—12. — С. 30—33.
5. На путях реконструкции нефтеперегонки // Азербайджанское Нефтяное Хозяйство. — 1931. — № 2—3 (110-111). — С. 171—172.
6. Обрядчиков С. Н. Пути реконструкции крекинг-установок Винклер-Коха / С. Н.Обрядчиков// Нефтяное хозяйство. — 1934. — № 2. — С. 38—44
7. Партийный архив Чечено-Ингушского обкома КПСС. — Ф. 241. — Оп. 1. — Д. 76. — Л. 54—55. Копия.
8. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925—1936 гг. — М.: — 1996. — С. 219—220.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921—1939 гг.) В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Войтещик Анна Станиславовна

*магистр ист. наук, аспирант государственного университета имени
Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь
E-mail: jemma555@mail.ru*

Проблема социально-экономического развития Западной Беларуси в 1921—1939 гг. является одной из самых спорных в белорусской и польской историографии. Сотни исследователей работают в данном направлении, однако единства мнений так и не достигнуто. Польские исследователи сформировали свою точку зрения и собственные критерии в оценке экономических процессов на территории западнобелорусского региона, который входил в состав Польши в 1921—1939 гг.

Актуальность исследования обусловлена в первую очередь отсутствием обобщающих работ по проблеме, а также необходимостью изучения польской историографии для сравнения и обобщения накопленного опыта в трудах белорусских историков.

В классических работах по экономической истории Польши межвоенного периода (Я. Жарновского [24], Я. Томашевского [9], З. Ландау [10], Э. Мендельсона [12; 18], Р. Домбровского [3]) четко прослеживается мысль о том, что территория Западной Беларуси («Кресы Восточные») относилась к самым отсталым в экономическом отношении воеводствам Польши со слабым достатком населения, торгово-промышленной инфраструктурой и подчеркивалась необходимость проведения реформ в аграрном секторе. Все указанные работы базируются на статистических данных и богатом архивном материале.

Актуальными направлениями в исследовании экономической специфики северо-восточных воеводств II Речи Посполитой стали следующие: состояние и региональная специфика сельского хозяйства [15; 21], военное осадничество и его роль в аграрном и

промышленном секторе [17], анализ экономической деятельности польских товариществ и союзов [6].

Однако наиболее популярным направлением исследований для современных польских авторов стало изучение участия евреев в экономической жизни II Речи Посполитой. Анализу экономической активности самой многочисленной группы населения — евреев посвящены как монографии историков (Я. Томашевский [19], И. Шиппер [26], Э. Мендельсон [12], А. Клугман [7], С. Раковский [14], А. Грабон [5]), так и статьи исследователей, таких как Б. Чернецкий [2], Я. Жиндул [25], В. Вежбинец [22]. Экономическим взаимоотношениям поляков и евреев, проявлениям процессов антисемитизма и экономического сотрудничества посвящены работы М. Ходакевича [1], Я. Волконовского [23], Б. Гончарской [4].

Историческая урбанистика является одним из наиболее динамично развивающихся направлений исторической науки. Интерес к локальной истории особенно активизируется в последнее десятилетие. Социально-экономическое развитие Западной Беларуси в 1921—1939 гг. на примере отдельных местечек и городов анализировалось Я. Милевским [13], А. Марковским [11], З. Томчонок [20], Я. Колбушевским [8], С. Савич [16] и др. авторами. Большинство указанных авторов использовали в своих работах методы устной истории, акцентировали особое внимание на изучении повседневной жизни населения, поведении тогдашнего человека, его взаимоотношения с социумом и окружающей средой. Современные польские исследователи не согласны с официально признанной и аргументированной точкой зрения в белорусской историографии об экономической несостоятельности и крайней бедности населения большинства городов и местечек западнобелорусского региона в составе Польши. Экономическую отсталость северо-восточных воеводств польские исследователи объясняли незаинтересованностью польских властей в промышленном развитии Западной Беларуси и особенно игнорировании целого ряда проблем в развитии аграрного сектора. Невысокие темпы промышленного развития Западной Беларуси с доминированием сельского хозяйства в экономике определили удельный вес данного региона в экономической политике польского правительства. Исследователями также подчеркивалось, что «Возрождённая» Польша в 20—30 гг. XX в. была государством со средним уровнем развития капитализма, значительным внешним долгом, нестабильно развивающейся экономикой с доминированием иностранного капитала в промышленности и торговле.

«Восточные Кресы», в том числе экономическое их развитие стало проблемным полем на международных конференциях в Белостоке (2003 г. «Северо-Восточные Кресы в составе II Речи Посполитой») и Торуне (2010 г. «Кресы Восточные. История и люди»), что свидетельствовало о неугасающем интересе к истории данного региона, который являлся частью польской экономики и политики с 1921 по 1939 гг.

Таким образом, можно констатировать, что проблема социально-экономического развития Западной Беларуси (1921—1939 гг.) в современной польской историографии нашла свое место, о чем свидетельствует значительное количество изданных монографий и научных статей.

Список литературы:

1. Chodakewicz M. Żydzi i polacy 1918—1955 (współlistnienie-zagłada-komunizm) / M. Chodakiewicz. — Warszawa: APOSTOLICUM, 2000. — 721 s.
2. Czarnecki B. Rola historycznego rynku miejskiego we współczesnym funkcjonowaniu i strukturze małych miast Białostoczczyzny / Małe Miasta: historia i współczesność: praca zbiorowa pod red. M. Zemło, P. Czyżewskiego. — Supraśl: Współczesna Oficyna Supraska, 2001. — s. 79—95.
3. Dąbrowski R. Działalność społeczno-gospodarcza i kulturalna mniejszości narodowych w II Rzeczypospolitej: (1918—1939). — Szczecin, 1990.
4. Gancarska-Kadary B. Żydowska ludność pracująca w Polsce 1918—1939. / B. Gancarska-Kadary. — Warszawa, 2001.
5. Grabon A. Problematyka Żydowska na lamach prasy akademickiej w okresie międzywojnnym. — Kraków, 2008. — 393 s.
6. Kacprzek M. Towarzystwo rozwoju Ziem Wshodnich w latach 1933—1939 / M. Kacprzek. — Łódź: Ibidem, 2005. — 158 s.
7. Klugman A. Żyd — co to znaczy? / A. Klugman. — Warszawa: państwowe wydawnictwo Wiedza Powszechna, 2003. — 223 s.
8. Kolbuszewski J. Kresy / J. Kolbuszewski. — Wrocław: wydawnictwo Dolnośląskie, 1995. — 256.
9. Landau Z., Tomaszewski J. Zarys historii gospodarczej Polski (1918—1939) — Warszawa: Książka i wiedza, 1999.
10. Landau Z. Polityka Gospodarcza II Rzeczypospolitej — Warszawa: w-wo naukowe PWN, 1995.
11. Markowski A.Z dziejów Wasilkowa w dwudziestoleciu międzywojennym / Małe Miasta: historia i współczesność: praca zbiorowa pod red. M. Zemło, P. Czyżewskiego. — Supraśl: Współczesna Oficyna Supraska, 2001. — s. 113 — 120.

12. Mendelson E. Żydzi Europy Środkowo-Wschodniej w okresie międzywoennym. — Warszawa, 1992.
13. Milewski J.Z dziejów województwa Białostockiego w okresie międzywojennym / J. Milewski — Białystok, 1999. — 137 s.
14. Rokowski C. Smak Kresów / C. Rokowski. — Warszawa, 2000.
15. Roszkowski W. Rolnictwo. / W. Roszkowski. // Problemy gospodarcze Drugiej Rzeczypospolitej. — Warszawa, 1989. — s. 103—106, 142—143.
16. Sawicz C. Wileńszczyzna / Halinów: QLCO, 2006. — 443 s.
17. Stobniak-Smogorzewska, J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920—1945 / J. Stobniak-Smogorzewska. — Warszawa, RYTM, 2003. — 420 s.
18. The Jews in Poland between Two World Wars. / Y. Gutman, F. Mendelson, J. Rejnhartz, 1989.
19. Tomaszewski J. Zarys dziejów żydów w Polsce w latach 1918—1939. — Warszawa: wyd-wo Uniwersytetu Warszawskiego. — 319 s.
20. Tomczonek Z. Małe miasta Kresów Północno-Wschodnich Drugiej Rzeczypospolitej / Małe Miasta: historia i współczesność: praca zbiorowa pod red. M. Zemło, P. Czyżewskiego. — Supraśl: Współczesna Oficyna Supraska, 2001. — s. 105—113.
21. Wierzbiniak W. Organizacja ziemiaństwa żydowskiego w II Rzeczypospolitej / W. Wierzbiniak. // Przegląd Historyczno Archiwalny. — T. 11. — 2002. — s. 233—245.
22. Wiezbieniec W. Społeczność żydowska a polacy i ukraińcy w przemyśle w okresie II Rzeczypospolitej / W. Wiezbieniec. // Żydzi i judaizm we współczesnych badaniach polskich: materiały z konferencji. — Kraków, 21—23. 11., 1995. — Kraków: wydawnictwo naukowe, 1997. — S. 281—292.
23. Wołkonowski J. Stosunki polsko-żydowskie w Wilnie i Wileńszczyźnie 1919—1939. / J. Wołkonowski. — Białystok: wyd-wo uniwersytetu w Białymstoku, 2004. — 449 s.
24. Żarnowski J. Społeczeństwo Drugiej Rzeczypospolitej 1918—1939. / J. Żarnowski. — Warszawa, 1973.
25. Żyndul J. Społeczeństwo żydowskie Wilna i Wileńszczyzny w II Rzeczypospolitej / J. Żyndul. // Kresy północno-wschodnie Drugiej Rzeczypospolitej (stan badań). — Białystok, 1993. — s. 53—76.
26. Żydzi w Polsce odrodzonej: działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna / pod. red. I. Schipera, A. Tartakowera, A. Nafftki. — Warszawa: nakładem wydawnictwa “Żydzi w Polsce odrodzonej”, 2003. — 617 c.

**«ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ, ИСТОРИИ,
ПОЛИТОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

31 января 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 07.02.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7,375. Тираж 550 экз.

Издательство «ЭКОР-книга»
630004, г. Новосибирск, ул. Вокзальная магистраль, 8б
E-mail: ecor@ecor-kniga.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28